

Дубов

М
И
Т
Р
И
Й

Темные сказки

Рассказы. Том 1

18+

Дмитрий Дубов

Тёмные сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63604426

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99315-0

Аннотация

Рад приветствовать Вас, мой дорогой читатель. Для многих основополагающими работами писателей являются фундаментальные труды по много тысяч страниц. Для меня всё иначе: главным в творчестве великих я вижу короткие рассказы, в которых нам является квинтэссенция их чувств и мировоззрения. Лично мне близки многие рассказы Кинга, Симмонса, Баркера, Брэдбери, Мьевиля, Лукьяненко и Стругацких. Рад познакомить Вас с моими рассказами, написанными в период с две тысячи второго по две тысячи девятый год. Тут часть меня тех лет.

Содержание

Методы воспитания	4
Жена террориста	70
Откровения Последнего Пророка	90
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Дмитрий Дубов

Тёмные сказки

Методы воспитания

*Воспитание ребёнка – есть
прямая обязанность родителей.*

– И вот они зашли в тёмный и страшный лес, который казался живым существом. Искривлённые ветви деревьев тянулись к их обнажённым шеям, словно скрюченные руки старухи к младенцу, пытаясь задушить их и тем самым преградить дорогу к заколдованному замку...

– Папа, мне страшно, – сказал маленький мальчик и заплакал. – Я боюсь их.

– Валер, ты зачем опять Мишку своими страшилками пугаешь? – спросила мужа Марина. Валера имел обыкновение коротать вечера, читая сыну, которому совсем недавно исполнилось четыре годика, страшные истории. – Прочитай ему лучше что-нибудь нормальное!

– А что, по-твоему, нормальное? «Колобок»? Или, быть может, «Красная шапочка»? – усмехнулся Валера. – Мой сын уже вырос из того возраста, чтобы слушать подобные глупости.

– Не забывай, пожалуйста, что он и мой сын тоже, – сказала Марина, входя в детскую. – И я не хочу, чтобы мой ребёнок вырос с расшатанной психикой! Разве мало хороших красивых детских сказок, от которых дети не плачут?

– Да они же все глупые, – настаивал Валера. – Правда, ведь, Миш?

– Да, они глупые, – подтвердил четырёхлетний отрок.

– Ну, я не знаю! – взвилась Марина. – Те глупые, от этих он плачет. Может тогда подождать, пока он подрастёт?

– Что ты, мама?! – испуганно залепетал Миша. – Не надо ждать, просто мне иногда бывает страшно.

– Нет, это нормально? – риторически спросила Марина. – Валер, и всё же, я прошу тебя: не надо издеваться над ребёнком. Бог с тобой, читай ты ему, что он захочет, но можно ведь опускать наиболее пугающие места?

– Можно, конечно, – ответил Валера. – Но в таком случае и эти сказки станут чрезвычайно глупыми. Ты понимаешь, я хочу, чтобы наш мальчик рос смелым и ничего не боялся.

– Да ты только посмотри на него! – не унималась Марина. – Ведь он же блее бледной поганки! Ну, куда такое годиться?

– Мама, не переживай, я не стану поганкой, если буду слушать эти сказки, – сказал Миша.

Детская непосредственность несколько разрядила атмосферу, и на губах у родителей заиграли улыбки.

Подобные разговоры случались, чуть ли не каждый вечер.

Всё это происходило потому, что у родителей были разные взгляды на методы воспитания ребёнка, но всегда в этих спорах побеждал Валера, так как он привлекал на свою сторону мнение сына, а Марине приходилось сдаваться.

Нельзя сказать, что её мучили какие-то предчувствия. Ей просто не нравилось то, каким образом её муж подаёт ребёнку знания. Отчасти это случалось ещё и потому, что иногда она сама слушала эти страшные истории. Она не находила в них ничего привлекательного. На её взгляд: уж лучше «Колобок», чем «Кости царевубийцы». Надо признаться, ей и самой было не по себе от этих историй, и она не понимала, как ребёнок может слушать всю эту чушь. Но он слушал.

– В любом случае, малыш, тебе пора спать. Дочитаете завтра, – поставила Марина жирную точку в сегодняшнем разговоре.

– Но я уже не малыш, мама, – проговорил Миша, кутаясь в уютное пуховое одеяло. – Мне уже нравятся девочки.

Родители вновь засмеялись. По крайней мере, в одном они были солидарны – ребёнку надо отдавать всё своё тепло и ни в коем случае не показывать внутрисемейных конфликтов, пока он не подрастёт, чтобы не пришлось его спрашивать, с кем он хочет остаться: с мамой или с папой?

– Ложись спать, Казанова ты наш, – сквозь смех сказал Валера.

– Пап, а кто такой Казанова? – спросил Миша.

– Спи уже, – вместо ответа произнёс Валера и выключил

в детской свет.

После этого родители поцеловали своё чадо, и ушли на кухню. Это была ещё одна семейная традиция: после того, как Мишу укладывали спать, Валера и Марина сидели на кухне, пили чай и о чём-нибудь разговаривали. Последнее время эти разговоры всё больше касались проблематики воспитания малыша, мирно посапывающего за стенкой.

Валера, отец Миши, был полностью уверен в том, что его сын не должен вырасти размазнёй. Он тратил почти всё своё свободное время на то, что закалял сына, учил его делать гимнастику, прививал волю к достижению поставленной цели и т.д. Для того чтобы воспитывать ребёнка подобным образом, он читал массу соответствующей литературы.

В той же литературе было много написано о том, что надо избавить своего ребёнка от всяческих страхов, боязней и фобий. Но как это сделать? Всё там же советовалось подготавливать ребёнка к жестокой повседневной действительности поэтапно. Первым этапом значилось чтение на ночь страшных сказок, чтобы ребёнок научился перебарывать в себе неуверенность в завтрашнем дне и тому подобные эмоции. Да, именно для того, чтобы ребёнок умел справляться с негативными эмоциями, и рекомендовалось читать ему на ночь что-нибудь «душтрепательное».

Вторым этапом шла подготовка ребёнка к стрессовым ситуациям путём симулирования всё того же стресса, но на этот шаг в отношении своего сына Валера ещё не решился.

Очень часто в последнее время по вечерам он пытался показать своей жене преимущества именно такого воспитания, но она ничего не желала слышать об этом. Порою Валере казалось, что она делает это исключительно ему назло, но потом он отметал эти мысли, как несостоятельные. Помимо вопроса о способах воспитания ребёнка, в их семье царили полное взаимопонимание и единые взгляды на всё. Как ни странно, Миша оказался их яблоком раздора.

Конечно, о разводе речь не шла, но он уже наметился чёрным пятнышком на горизонте, за который уходила дальнейшая жизнь. И Валера, и Марина прекрасно понимали, что просто необходимо сохранить семью хотя бы до тех пор, пока ребёнок не повзрослеет. К тому же, они любили друг друга.

– Муж, – сказала Марина, усевшись на кухне на своём привычном месте между холодильником и столом. – Я не хочу, чтобы ты читал нашему сыну на ночь всю эту абракадабру. Я, конечно, всё понимаю, но мне иной раз и самой становится страшно от диких фантазий авторов.

Страшные сказки – глупость какая! А ведь даже такая мелочь может привести к серьёзным разладам в семье.

– Сколько раз мы уже обсуждали эту тему? – поинтересовался Валера. – Сотню? Тысячу? Давай сделаем так: мы раз и навсегда решим этот вопрос, иначе мы просто не сможем дальше жить вместе.

– Я это понимаю, – Марина достала спрятанную пачку сигарет (она никогда не курила при сыне) и затянулась аромат-

ным дымом. – Я и не стала бы затевать всех этих разговоров, если бы не понимала, вот только боюсь, что ты всё равно сделаешь по-своему. Валер, ну я прошу тебя, не травмируй ты его психику всякими этими вурдалаками и прочей нечистью!

Валера задумчиво посмотрел в окно. Там, за стенами их уютного маленького мирка, бушевало лето. Была середина июля – самое время купания и приобретения загара. Сейчас, правда, уже наступали сумерки, но это ничуть не умаляло красоты пейзажа, раскинувшегося за окном.

– Скажи честно, – наконец, произнёс он. – Чего ты боишься? Может быть, ты действительно так считаешь только из-за того, что сама по ночам мучаешься кошмарами? А, может, всё дело в другом? Скажи мне правду. Ты хочешь сказать, что посредством всех этих историй в нашей семье вырастет чудовищный маньяк-психопат?

– Нет, я так не думаю, – ответила Марина. – Просто мне кажется, что твои эти... способы воспитания возымеют обратный искомому результат. Вместо того чтобы вырасти смелым львом, он станет трусливым шакалом – этого-то я и боюсь больше всего.

– Ты зря опасаясь. Наш сын никогда не станет шакалом. Пойми ты, наконец, такую вещь, что я ни в коем случае не занимаюсь отсебятиной. Я постоянно читаю книги по воспитанию, где чёрным по белому написано, что ребёнка надо научить противостоять негата...

– Ты мне уже все уши прожужжал с этими своими книж-

ками, – перебила его Марина. – Однако почему-то мне кажется, что тот, кто написал их, никогда не имел собственных детей! Господи, да у меня же просто сердце разрывается, когда я слышу, как он плачет по ночам после твоих «сказочек».

– Кстати, я всего лишь один раз слышал, как он ночью плакал, и случилось это как раз после того, как ты ему прочитала «Колобка».

– Я что-то не припомню, чтобы он хоть раз плакал после того, как читала ему я.

– Конечно, не помнишь, ты же тогда спала, как убитая, а я подошёл к нему и спросил, почему он плачет. И знаешь, что он ответил?

– Что?

– Он, оказывается, плакал потому, что ему зайчика было жалко, ведь тот остался голодным. Прелесть, а не ребёнок.

– Правда?

– Чистейшая правда.

– Но вернёмся к нашим баранам.

За окном окончательно стемнело, и в открытую форточку доносились приятные ночные запахи и стрекотание цикад. Семья жила в двухэтажном загородном домике, с десятью сотками прилегающей земли. Они называли его своей летней резиденцией.

Земля, составляющая надел этого домика, была засажена фруктовыми деревьями и засеяна газонной травой, образующая чудный сад, весьма подходящий для развития здоро-

вого ребёнка.

– Я понимаю так: что буду просто вынужден прекратить все эти чтения на ночь. Или я не совсем правильно отразил твоё мнение?

– Ну, почему же прекратить? Ты можешь продолжать читать ему, но что-нибудь более изящное, чем все эти рассказы о живых мертвецах, отрубленных головах и так далее. Есть же, в конце концов, такие безобидные писатели, как Жюль Верн, Джек Лондон, Пушкин, наконец! Почему ты не хочешь воспитывать его на той литературе, на которой росли мы?

– Безобидные? Ну, не такие уж они и безобидные, как тебе кажется, – Валера почесал сначала затылок, а потом шею. – Но если ты хочешь, чтобы наш сын вырос таким же, как и мы, то я вполне могу почитать ему «Кота в сапогах», хотя это тоже страшная сказка.

– Причём тут «Кот в сапогах»? И потом, что плохого будет в том, если наш сын вырастет таким же, как и мы?

– Как мы? Да ты посмотри на себя! Ты же при каждом шорохе трястись начинаешь! А я? Я тоже не лучше! Я же хочу, чтобы у нашего ребёнка с малых лет ушла из крови эта привычка бояться всего и вся! – ответил на это Валера.

– Нет, иногда я тебя просто не понимаю, – растерянно пролепетала Марина.

– Давай пойдем на компромисс.

– Это как? – удивилась Марина.

– На некоторое время я перестану читать Мишке ужасти-

ки, и, понаблюдав за ним, скажем, до следующего лета, мы вновь вернёмся к этому вопросу. Идёт?

– Хорошо, идёт, – Марина смотрела на мужа изучающим взглядом. Она всегда удивлялась тому, как легко он может сглаживать любые края, будь они даже острыми, как бритва. – Смотри, уже совсем поздно.

Валера промычал в ответ что-то неразборчивое. Он был полностью поглощён изучением темноты, сгустившейся за окном. Небо приобрело тёмно-фиолетовую окраску, и на нём, словно на бархате изумительной красоты, были рассыпаны далёкие солнца иных миров.

Астрономия – это было наиболее серьёзное увлечение Валеры после воспитания ребёнка. Жена шла третьим номером.

– Ты спать идёшь? – спросила Марина, поднимаясь из-за стола.

– Да, да, уже иду, – спохватился Валера и залпом допил остатки остывшего чая.

Спальня располагалась на втором этаже. Это была большая и просторная комната с минимумом мебели: посередине стояла огромная кровать, а в углу у окна телевизор на подставке. По стенам разместились несколько картин.

Несмотря на распахнутую настежь створку окна, в комнате было очень тепло. Атмосфера дышала уютом и спокойствием, напоминая своим обитателям, что они влюблены друг в друга и хотят быть вместе.

Марина поднялась первой. Разделась и сразу же юркнула под одеяло, чтобы к приходу мужа от постели веяло ароматом её прельщения. Так приятны были эти ночи в загородном доме! Столько в них было тепла и покоя!

Валера поднялся спустя несколько минут и, не теряя времени даром, поспешил присоединиться к жене.

Марина очень любила его. Когда он был рядом, она прощала ему все его «задвиги». Он был обыкновенным мужчиной, при этом довольно красивым и статным. А уж темперамента в нём было, хоть отбавляй.

– Валер!

– Чего?

– Я забыла тебе сказать, хорошо, что хоть сейчас вспомнила.

– Что такое? Опять эти дни?

– Да нет же! Пока ты там пугал нашего несчастного Мишутку, мне позвонил главный редактор нашего издательства...

– Так, так, так. И чего же он хочет? Ты же вроде бы как в отпуске?

– Да, но у них там – в Москве – какая-то заварушка с заложниками; и главный просил, чтобы я приехала на пару дней. Ведь ты же знаешь, что твоя жена самый лучший репортёр.

– Как же, как же! Уж мне ли этого не знать?! Но сдаётся мне, что не из-за заложников вызвал тебя главный.

– А из-за чего же?

– А из-за тебя самой. Такой приятной на ощупь и вкус козочки! Ам!

– Ну, хватит дурачиться, я же серьёзно тебе говорю! Ты не против, что я оставлю вас тут на пару дней совсем одних?

– Как же я могу быть против?! О, Джульетта, ты разбиваешь мне сердце! – ласковые прикосновения. – Нет, я не против. Езжай, конечно, только будь поосторожней, ведь мы тебя так любим!

– Я буду осторожной! Я буду о-оч-чень осторо-ожной! Ведь я тоже вас люблю...

* * *

Миша не спал. Нет, отнюдь не оттого, что происходило наверху, – он уже давно привык к этим монотонным поскрипывающим звукам и не боялся их. Не спал он оттого, что ему всюду мерещились вурдалаки и оборотни; деревья, тянущие к нему свои искривлённые ветви, и выползающие из-под кровати змеи.

Он был весь в поту, но боялся откинуть одеяло, так как рисковал быть атакованным всей этой нечистью. Восприимчивое детское воображение впитывало в себя все страхи, словно губка, и усугубляло их. То, что в сказке было просто страшным, ночью представлялось ужасным, а то, что было ужасным в книгах, приходило к Мише кошмарным и чудо-

вищным.

Его тело, укутанное в одеяло, сотрясала мелкая дрожь, и хотелось даже не плакать, а отчаянно кричать и звать на помощь. Но тут же вспоминались слова отца: «Ты не должен ничего бояться, ведь нет ничего в этом мире более ужасного, чем сами страхи». Пусть так, но именно страхи-то и доставали.

Больше всего Миша боялся змей, которые жили у него под кроватью. Днём они куда-то прятались, но ночью выползали в неисчислимом количестве. До сих пор они не нападали, но Миша почему-то не сомневался, что когда-нибудь им надоест ждать, и они обязательно нападут. Чуть ли не каждый раз после того, как гасили свет в его комнате, он представлял себе, как это будет происходить.

Сначала вылезет одна, как бы на разведку. Мальчик всегда видел её без глаз и без ноздрей. А потом уже, когда она сообщит всем, что мальчик абсолютно незащищен, и его скрывает лишь одно одеяло, они нападут.

Много-много их вылезет с обеих сторон кровати, потом они сцепятся друг с другом и будут душить его до тех пор, пока он уже не сможет вдохнуть. А после утащат его безжизненное тело под кровать, где и... сделают с ним...

(сделают с ним что?)

Впрочем, это уже не важно, потому что будет больно и...

(страшно?)

Ещё ему мерещились огромные пауки с тонкими и длин-

ными лапками, которые ждали только того, чтобы он – Миша – стащил с себя одеяло. Тогда они перескочат на него со стен, свесятся с потолка и станут бегать по оголённым участкам тела. Бегать и жалить, как скорпионы.

Вот уже третий час маленький Миша ворочался в своей кровати и никак не мог заснуть. Ему нравились рассказы отца, по крайней мере, они не были такими глупыми, как те, которые читала ему мама, но слишком уж жестока была расплата. Даже будучи таким юным, Миша понимал, что все его страхи исходят именно из отцовских рассказов, но он не мог остановить его, сказав: «не читай», потому что ему было до жути интересно, что же случится дальше.

Непредсказуемость – вот что подкупало мальчика в рассказах отца, тогда как истории, которые читала ему мама, предугадывались с начала до самого конца. У мамы всегда (ну, или почти всегда) всё заканчивалось хорошо. До тошноты. Зато в папиных сказках в лучшем случае можно было ждать неопределённости в концовках, а в худшем... Да что уж об этом думать?

Но именно сейчас Мише захотелось, чтобы в страшной сказке хоть раз всё закончилось хорошо. Хотя бы в сказке о нём. Но нечисть, собравшаяся вокруг его кровати, совсем не хотела, чтобы эта сказка была со счастливым концом.

Малыш лежал на спине, чувствуя, как крупные капли пота перетекают по его телу под одеялом, и никак не мог уснуть. Это было плохо. Мучения всех этих долгих бессонных но-

чей не исчезали полностью даже днём. Миша постоянно чувствовал, что за ним кто-то следит. Иногда ему казалось, что стоит повернуть голову, и он увидит своих преследователей.

Мише было всего четыре года, но он отлично понимал, что такое состояние не нормально. Даже будучи вместе с родителями, он всегда чего-то боялся. Он знал, что за ним наблюдали и фиксировали каждый его шаг, стараясь вычислить слабые места. Но сказать об этом папе – нет, такого он не мог себе позволить, ведь он – Миша – должен быть бесстрашным.

Да, днём все страхи отходили на задний план, однако всегда незримо присутствовали где-то рядом. Хуже всего было то, что это были детские неосознанные страхи. Миша никогда не испытывал боли. Даже тогда, когда он разбил свою голову, играя с очередным подарком, ему не было больно. То есть все смутные тревоги и ужасные картинки основывались не на страхе боли и мучений, а на чём-то другом. У них была глубокая психологическая подоплёка. Непонятное и необъяснимое всегда хуже того, с чем сталкиваешься каждый день, пускай это будет даже чрезвычайно мерзко и противно.

Но ночью тени сгущались.

Если бы отец этого мальчика знал, что происходит с его ребёнком после того, как гаснет свет, наверняка перестал бы читать ему всякие страшные сказки, а принялся бы за «Колобка» и за всю остальную детскую «глупость», накопленную многими поколениями.

Скрип наверху прекратился. Миша, как всегда, лежал с открытыми глазами. Подспудно он понимал, что его родители скоро заснут, и он окажется совсем один в мире ужаса и страха.

Воспитание. Сколько бессонных ночей, раздираемых душой постельного белья, принесло мальчику это воспитание? Последнее время он плохо ел, выглядел совсем разбитым, но родителям это почему-то было безразлично. По крайней мере, папе.

Мама частенько спрашивала Мишу, что с ним такое твориться. Но он отвечал, что всё нормально. Не мог же он, в самом деле, рассказать маме, что он не может уснуть ночами, и всё это происходит из-за папиных рассказов. Нет, он не мог этого сделать.

Он не мог отказаться от них. Что-то непреодолимо тянуло его слушать и слушать их вновь. Взрослый человек сравнил бы это с зависимостью от наркотиков. Но Миша ничего не знал о наркотиках, хотя уже прочно сидел на одной из разновидностей.

Потребность в новых дозах была бешенная. Если бы малыш уже умел размышлять, то он сказал бы, что новые впечатления помогают забыть о старых, несколько стереть их из памяти, чтобы они не докучали своим безобразным видом.

Но новые впечатления и образы были куда хуже прежних и куда глубже вгрызались в подсознание несмышлёныша.

Миша очень хорошо помнил, как испугался первый раз в

жизни, хотя теперь картина, которую он тогда увидел, лежала в его памяти блёклой чёрно-белой фотографией... Ему шёл третий год. Как-то летом он вышел с отцом из дома и увидел, что тяжёлые массивные облака висят низко-низко. Они были странного желтоватого оттенка, что придавало им абсолютно фантастический и страшный вид...

Отец очень быстро успокоил расплакавшегося было сына, объяснив ему, что ничего страшного в этих облаках нет, и это обычное природное явление. Затем он впервые сказал свою знаменитую фразу о вреде страха.

Теперь Миша не боялся облаков, грозы или других «природных явлений», но не потому, что научился противостоять их сковывающему ужасу, а потому, что за прошедшие два года у него появились гораздо более серьёзные страхи, которые нельзя было объяснить обычным словосочетанием.

Взрослые не понимают детей. Возможно, они и не стараются их понять, а с младенческого возраста пытаются навязывать им свои понятия о жизни. Но всё-таки мамы более близки к пониманию чаяний своих чад, чем папы. Даже Миша это понимал, но он всеми фибрами души тянулся именно к папе, потому что тот до сих пор оставался для него таким ящичком, у которого нет открывающейся крышечки, но в котором всё равно что-то лежит. И вот до этого «чего-то» очень хотелось добраться.

Мише очень хотелось стать таким же бесстрашным, как папа. Он видел, что папу-то совсем не страшат происки

нечисти, о которых он читал своему сыну. Это была ещё одна причина, по которой Миша не мог отказаться от страшилок на ночь.

Необъяснимого принято бояться – кажется, это тезис каждого человека. Только у каждого своя степень страха. Мише иногда казалось, что он может полностью потерять связь с реальностью и умчаться в это самое необъяснимое. Степень страха была высшей. Детской.

Дети могут не бояться многого из того, чего бояться взрослые, например, террористов и остальной непридуманной нечисти из реального мира. Зато у них могут дрожать поджилки от чего-то совсем уж пустякового, потому что у всех детей есть привычка возводить все свои страхи в некоторую степень, от чего те выглядят ещё ужасней и неприглядней.

Тело малыша покрылось липкой плёнкой пота, к которой он так хорошо привык за последние месяцы, и которую уже откровенно ненавидел за удушающий запах, служащий, как он считал, приманкой для оборотней и вампиров.

Во всём доме – ни звука, лишь гомон ночной жизни доносился через форточку, но это не могло обмануть малыша, потому что он точно знал: кто-то обязательно притаился где-нибудь поблизости, и ждёт удобного момента, чтобы напасть.

Миша считал себя взрослым мальчиком, тем более, то же всегда говорил его папа, поэтому с детскими страхами пора

было кончать. Малыш давно уже вынашивал эту идею, но окончательно решился только сейчас.

Он отчаянным жестом скинул с себя влажное одеяльце и тут же сжался в комок. Он ждал, что на него сразу же посыплются гигантские пауки, или же к его босым ножкам протянется скрюченная костлявая рука, но ничего не произошло. Немного успокоившись, мальчик выпрямился. Сердце, замершее до этого на несколько мгновений, возобновило свой ритмичный, но всё же испуганный, бег.

Малыш свесил ножки с кровати. Он даже сжал ручки в кулачки, представляя, как по этому поводу радуются змеи, сгрудившиеся под кроватью. Но снова ничего не произошло.

Это само по себе уже было мистикой, поэтому прежде, чем сунуть ножки в тапки, Миша прислушался. Всё по-прежнему тихо.

Очень хотелось пить. Что ж, променад с целью – это гораздо лучше бесцельного блуждания по огромному дому. Миша встал на пол и почувствовал слабость в коленях. Сказывались недосып и постоянное нервное напряжение.

Он вполне мог спать при выключенном свете, но лишь потому, что свет ничуть не помогал избавиться от иллюзорных привидений, а, наоборот, только создавал новых в тех углах, где царствовала тень.

Вот интересно: если у взрослого прогрессируют необъяснимые страхи и мания преследования, то его признают боль-

ным и им занимаются, но если же подобное проявляется у ребёнка, то им никто не занимается. Все эти проявления психических отклонений списывают на возраст и считают, что с годами всё исправится само.

Миша шёл на кухню, стараясь придерживаться дорожки бледного света, благородно предоставленной ему Госпожой Луной (так он называл её про себя, несмотря на то, что в сказках она являлась чаще всего предвестником чего-то нехорошего).

С незапамятных времён на кухне стоял одинокий графин, постоянно наполненный кипячёной водой. Холодный кипяток, как называла её мама, хотя Мише было абсолютно непонятно, как кипяток может быть холодным.

Малыш налил в свою маленькую кружечку воду из графина, всегда имевшую привкус извёстки, и залпом выпил её, наслаждаясь прохладой, успокаивающей жар ночных страхов. Кажется, он даже почувствовал себя храбрее, потому что выпрямил спину и уже без всякой опаски взглянул на этот огромный и загадочный мир.

Он подумал, что сможет теперь спокойно уснуть и проспать всю ночь до самого позднего утра, пока его не поднимет папа и не поведёт заниматься физическими упражнениями.

По пути в свою комнату он зашёл в туалет и, выйдя из него, чувствовал себя прекрасно. Миша подошёл к своей кровати и посмотрел на неё: откинутое в сторону и ском-

канное одеяло, сбитые простыни, мокрое пятно на подушке от вспотевших волос (ему казалось, что потеют именно волосы), другие признаки долгой бессонницы, – какими глупыми и надуманными казались ему теперь собственные страхи. Он аккуратно привёл в порядок постель, но сразу лечь не стал – ему хотелось, чтобы кроватка хоть немного побыла в таком опрятном виде, – а пошёл к окну, чтобы попрощаться с Госпожой Луной.

Окно прикрывал полупрозрачный тюль, делая все очертания предметов снаружи нечёткими и расплывчатыми. Миша решительно отдернул эту завесу, отделяющую его от внешнего мира, и тут же пожалел об этом.

Все ранние переживания вернулись к нему с новой силой. Малыш почувствовал себя совершенно одиноким и покинутым на произвол судьбы. Теперь он понял, что все эти жуткие создания, о которых он слышал каждый вечер, прячутся не в комнате, а там – за фруктовыми деревьями, в газонной траве.

Лёгкий ночной ветерок шевелил листву яблонь и груш. Он ласково игрался с несозревшими ещё плодами. Деревья отвечали нежным шелестом.

– Иди к нам, – слышалось Мише.

Он застыл у окна, словно каменный, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Не мог он и закричать. Теперь они не отвяжутся от него, чтобы он ни делал, и обязательно сотворят с ним что-нибудь такое...

– Иди же к нам, мальчик, – шептали чудища из сказок под его окнами. – Мы видим тебя...

В Мишиных глазах блеснули слёзы. Он попытался прочистить горло, чтобы хоть что-нибудь ответить. Но это удалось ему не сразу.

– Никуда я не пойду, – трепеща от ужаса, выдохнул он. – Я не боюсь вас.

– Иди к нам, милый, – продолжали шелестеть деревья. Точнее, их голосами шелестели монстры.

– Нет! – почти выкрикнул Миша и в три прыжка оказался в своей уже успевшей остыть кровати. Он свернулся в комок и дрожал всем телом.

Точно в таком же положении он и провёл всю ночь, а уснул лишь тогда, когда за окнами, изменяя краски, затеплился рассвет.

* * *

Утро выдалось замечательным. Тёплое и ласковое солнышко с самого утра обнимало всё живое, что радовалось ему каждый раз.

Валера проснулся и ещё долго нежился в лучах этой прекрасной звёздочки. Он смутно помнил, как несколько часов назад его жена пыталась попрощаться с ним. Она уехала в Москву, и теперь у Валеры появилось как минимум два дня свободной жизни.

Нет, он не собирался изменять своей жене, так как считал это недопустимым, но, по крайней мере, она не будет доставать его своими нравоучениями по поводу того, как надо правильно воспитывать сына.

Он глянул на часы и убедился, что пора вставать, потому что на дворе было не раннее, и уже даже не позднее утро, а самый, что ни на есть, день. Половина двенадцатого.

Валера встал и накинул на голое тело халат. Сегодня почему-то особенно хотелось расслабиться и отдохнуть ото всего. В такой обстановке не то что делать, а и думать-то не хочется.

Заботливый отец зашёл в комнату и убедился, то его чадо ещё беззаботно дрыхнет. Это было не так уж и плохо, ведь можно будет пропустить сегодня гимнастику. Лучшее, что можно придумать в такой день – это пойти на реку и искупаться, как следует.

Затем Валера пошёл на кухню. Там он улыбнулся приветливому солнышку и, мурлыкая себе под нос какой-то весёленький мотивчик, принялся давить сок из свежих апельсинов.

Когда два высоких стакана были наполнены оранжевой свежестью, он отправился будить Мишу. Тот просыпался даже тяжелее, чем обычно, но Валера не придавал этому особого значения. Он в какой-то мере был убеждён, что так влияет на ребёнка пересыпание (он-то находился в полной уверенности, что его сын в девять, в крайнем случае, в половине де-

сятого засыпает), но пока решил ничего не предпринимать в этом направлении. Миша совсем ещё ребёнок, а значит, ему надо спать столько, сколько требует организм.

Они сидели на кухне и пили прохладный апельсиновый сок. То и дело о стенки бокалов звонко ударялись кусочки льда.

– А где мама? – спросил Миша.

– Мама уехала в Москву. Ей вчера позвонили и сказали, что появились срочные дела.

– Кто позвонил?

– Ну, какая тебе разница? – вопросом на вопрос ответил Валера.

Миша терпеть не мог, когда папа так делал. Но к его, папиной, чести надо было признать, что случилось подобное крайне редко. В основном, он, не теряя терпения, разъяснял малышу всё, что знал.

– Никакой, – сказал Миша. – А что мы будем делать сегодня после зарядки?

– Сынок, если ты не против, то сегодня зарядку можно не делать. А после сока я предлагаю пойти купаться.

– Ура! А можно я возьму с собой свой пароходик?

– Конечно, можно.

– А уточку?

– И уточку.

– Ты самый лучший папа на свете!

Миша сиял, едва не затмевая свет солнца. Казалось, что

вся его утренняя потерянная сгинула без следа. Лишь вокруг глаз залегли едва ещё наметившиеся тёмные круги.

– Мы даже можем взять с собой надувной матрац, чтобы ты мог поплавать, – сказал Валера.

– Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, сынок, и хочу, чтобы ты отлично провёл время до возвращения мамы.

– А когда она вернётся?

– Скоро, Мишутка, скоро. Она обещала приехать через два дня, но может немножко задержаться.

– А нырять мы будем? – Миша ещё не отличался связностью мыслей, хотя отлично улавливал её в рассказах.

– Если захочешь, то будем.

– Я хочу, папа.

Затем последовали недолгие сборы, в процессе которых Миша, в основном, носился вокруг своего пытающегося всё собрать и уложить отца и норовил обнять его. Миша действительно любил Валеру, и дорогого стоила эта сыновья любовь.

Наконец, всё было упаковано, и отец с сыном двинулись в путь. До реки было метров триста; до пляжа чуть больше – километр, но для четырёхлетнего мальчугана это было поистине огромное расстояние.

Поначалу он шёл сам, поэтому двигались они медленно, но потом Валера посадил Мишу к себе на шею, объяснив, что тому надо поберечь силы для купания. Минут через пять они

были на пляже, а ещё через десять (с учётом накачивания матраца воздухом) – в воде.

Вода была приятно-прохладной. Она снимала с тела утомление, накопленное предыдущими днями, и микрочастицы грязи, которые так и норовят забить поры. Мише эта вода показалась такой же прекрасной, как и вчерашняя из графина. Не по вкусу, конечно, а по ощущениям.

На пляже яблоку негде было упасть. Смеялись и прыгали дети, веселились взрослые; всем было хорошо. В том числе и Мише. На некоторое время он полностью забыл обо всём, что случилось вчера ночью, отдавшись власти волн и задорному настроению. К тому же папа не отходил от него ни на шаг.

Нельзя сказать, что Миша испытывал недостаток внимания, но всё-таки сейчас, когда оно было полностью сосредоточено на нём, и ни на ком больше, он чувствовал себя гораздо более счастливым. Он даже поверил в то, что эти дни без мамы и впрямь станут праздником.

Нет, он ни в коем случае не испытывал радости из-за её отсутствия и даже грустил немного, но всё же она слишком сильно занимала папу, у которого из-за этого оставалось меньше времени на своего сына.

Три часа на пляже пронеслись с огромной скоростью, хотя Миша и успел в достаточной степени утомиться от купания.

– Ну, что, – спросил Валера. – Пойдём домой?

– А что мы там будем делать? – иногда дети перенимают

именно те привычки родителей, которые им самим до жути не нравятся, в частности, отвечать вопросом на вопрос.

– Мы отдохнём, примем душ, поедим, а потом можно будет поиграть.

– А во что?

– А во что захочешь.

– Ну, тогда пошли, – с абсолютно серьёзным видом, который так смешит взрослых, заявил Миша. – Я по пути домой придумаю, во что мы будем играть.

– Будь по-твоему, – не скрывая улыбки, сказал Валера.

Потом был поход домой, после душ, отдых и еда. Валера готовил редко, но Мишу всегда поражало то, насколько еда, приготовленная папой, отличается от той, что готовит мама. У папы получалось всё как-то по-особому, хотя использовался минимум продуктов. Больше всего Мише нравилась яичница с ветчиной и чёрным хлебом.

Поев, Валера и Миша направились в гостиную. Это была достаточно большая комната с искусственным камином, заставленная сервантами, шкафами и книжными полками. Достаточно самобытная обстановка. Здесь же была и импровизированная игровая, в которой хранились все игры, а также придумывались новые.

– Ну что, придумал, во что играть будем?

– Хочу в лото, – сказал Миша.

– Но нас ведь всего двое. Играть будет не интересно. Придумай что-нибудь ещё.

– Тогда давай в машины и самолёты, – предложил карапуз, который до безумия любил эту игру.

Суть заключалась в том, что машины и самолёты воевали между собой, и одни должны были уничтожить других. Миша всегда управлял самолётами и, конечно же, выигрывал.

Затем последовала игра в лошадок. Её сменила следующая. Таким образом, Валера играл с сыном до шести вечера. Потом он отвёл Мишу на кухню, напоил сына вечерним соком, и они вдвоём вышли в сад.

Надо сказать, что сад раньше всегда очень нравился малышу, но после прошедшей ночи он стал его бояться. Однако при свете солнца здесь было по-прежнему весело и радостно.

Миша беззаботно бегал между деревьев, играя с отцом в прятки. Потом они поборолись на мягком травяном ковре, а затем решили посадить кустик смородины.

У Миши давно не было такого беззаботного дня. У Валеры, кстати, тоже.

– А как мы его посадим? – спросил Миша, указывая на принесённый Валерой куст красной смородины.

– Сначала мы выкопаем ямку, – ответил отец. – Потом зальём её водой, а затем уже поставим в ямку куст. Засыплем землёй и подвяжем.

– А зачем воду в ямку?

– Чтобы куст пил. Ты же постоянно пьёшь.

– Да. А зачем подвязывать?

– А это для того, чтобы он не был лохматым.

– Это, как мама? С утра она лохматая – лохматая, а потом подвязывается?

– Да. Только мама причёсывается, а потом закалывает волосы заколкой, а не подвязывается. И делает она это для того, чтобы быть красивой. Куст подвязывают тоже для того, чтобы он был красивым, но также, чтобы он не занимал слишком много места, а его ветви были прямыми и стройными. Впрочем, сейчас ты всё увидишь сам. Будешь мне помогать?

– Конечно, пап!

Валера выкопал яму и наполнил водой ведро, которое ему со всем усердием помогал опорожнять Миша. Следом в ямку был отправлен куст смородины и присыпан вынудой землёй. Теперь наступил самый интересный этап для Миши – подвязывание.

Валера притащил из гаража здоровую арматуру, а потом принёс из дома кувалду.

– А это зачем? – спросил Миша.

– К этому, – Валера указал на арматуру. – Мы будем с тобой подвязывать куст.

– К этому? – удивился Миша. – Но эта железяка такая большая, а кустик-то ма-аленький!

– Это пока он маленький, а года через два он будет даже больше этой железяки. Он вон куда вырастет, – сказал Валера и показал на окна спальни, под которыми они стояли.

– О-го-го!!!

– Вот тебе и «о-го-го»!

Мужчина с силой воткнул арматуру в землю рядом с кустом, а потом принялся забивать её кувалдой. Мальчик смотрел на это, разинув рот. Его восхищала и сила отца, и то, что они дали сегодня жизнь новому растению, и то, в особенности, что они сейчас будут его подвязывать.

Но вот металлический кол был забит, и Валера доверил Мише самую ответственную работу: он дал ему несколько верёвочек и на примере одной показал, как правильно надо подвязывать. Сначала у малыша не очень получалось, но потом он приспособился и, высунув от напряжения язык, трудился, не покладая рук. Дело заспорилось, и спустя всего лишь несколько минут всё было готово.

– Вот какой ты у меня молодец, – приговаривал Валера, с любовью глядя на сына.

– Нет, это мы молодцы, – возразил Миша.

– Да, мы молодцы, но главный молодец – это ты. А теперь пойдём в дом?

– Давай ещё немножко здесь постоим.

– Ну, давай постоим, – согласился отец.

Вечерело. Поднялся лёгкий освежающий ветерок, а на небе стали появляться небольшие облачка. Отец и сын ещё немного постояли у свежевкопанного куста смородины, а потом пошли домой. Пора было заниматься приготовлением ужина.

Полдевятого позвонила Марина. Она сказала, что не знает, когда вернётся, потому как ситуация действительно серьёзная, и до её разрешения ещё далеко. Валера убедил её, что всё у них нормально, и беспокоиться не стоит, а Миша, в свою очередь, пересказал маме обо всём, чем они занимались днём. Он ни словом не обмолвился о ночном происшествии. Из родителей так же никто ни слова не проронил по поводу рассказов, так что весь разговор вышел чинным и тёплым.

И вот наступила пора ложиться спать. При одной мысли о том, что он опять останется наедине со своими кошмарами, Мишу бросило в дрожь. Но здесь уж ничего не попишешь, к тому же перед всем этим должна была последовать «сладкая оболочка», то есть рассказ на ночь.

Должна была.

Но когда Валера вошёл в детскую, Миша с ужасом обнаружил, что книги у него в руках нет. Это могло значить только одно – рассказа не будет. Но как же так? Теперь Мишу бросило в жар. Ему даже захотелось заплакать и замахать руками и ногами.

Но он был мужчиной. Маленьким, но мужчиной, поэтому не сделал ни того, ни другого, а лишь взирал на своего отца широко раскрытыми от удивления глазами. Он хотел сам

догадаться, почему его лишили «сладкого».

– Ты считаешь мне, папа? – спросил Миша, поняв, что никак не сможет догадаться о причине такого странного поведения отца. Может быть, мама настояла, чтобы папа больше не читал ему? Но ведь её сейчас нет, и можно забыть на время об этих глупых запретах.

– Если захочешь, то прочитаю, но потом.

Сама постановка ответа казалась Мише абсолютно странной. Конечно же, он хочет!

– А почему потом?

– Потому что сначала я хочу поговорить с тобой.

– Это касается мамы?

– И да, и нет. В основном, это касается тебя. А с чтением мы всегда успеем, потому что сегодня я разрешу тебе заснуть попозже.

– У-ух, здорово! А что мы сегодня будем читать?..

По выражению лица отца Миша всё-таки понял, что если они и будут что-то читать, то уж точно не страшные сказки.

– Я потом что-нибудь подыщу.

– Мама не разрешает нам с тобою читать эти истории с несчастным концом? Да?

– Да, но дело тут не только в маме.

– А в чём же тогда?

– Может быть, ты действительно ещё слишком мал для таких сказок, и нам стоит читать что-нибудь более подходящее твоему возрасту.

– Я не мал! Я не мал! – затаившаяся было истерика прорвалась наружу. Малыш заплакал. – Я уже могу слушать эти сказки! Я хочу, чтобы ты читал только их!

– Ну, что ты? Успокойся, – пытался утихомирить ребёнка взволнованный отец. – Ну, не надо плакать, ты же не тряпка.

Миша был образцовым ребёнком. Его с пелёнок учили сдерживать свои эмоции, и, надо сказать, он очень хорошо научился этому. Истерика прекратилась сразу, так же резко, как и началась.

– Послушай меня, – продолжал Валера, с тревогой вглядываясь в покрасневшие глаза сына. – Мы с мамой договорились, что до следующего лета я не буду читать тебе страшных рассказов, и я собираюсь выполнить своё обещание. Зато у тебя будет стимул выучиться читать, как следует. Я буду помогать тебе в этом, можешь даже не сомневаться. Но поговорить я хотел с тобой о другом.

– О чём? – спросил Миша уже нормальным голосом. Пока его отец произносил свою длинную и сложную речь, малыш успел подумать о том, что всё ещё может быть не настолько уж и плохо. В конце концов, он уже знает некоторые буквы (этим летом он вместе с отцом усиленно занимался изучением алфавита) и за год сможет научиться сносно читать.

– О многом, – туманно ответил отец, но сразу же пояснил: – О тебе, о страхах, о стрессах, о методах их преодоления.

– Папа, а что такое «стресс»? – спросил Миша.

– Ну, это когда тебе плохо. Вот, например, я зашёл в твою комнату без книги, и ты от этого испытал стресс.

– А откуда ты знаешь?

– Во-первых, это читалось в твоих глазах, во-вторых, ты начал плакать и разговаривать со мною на повышенных тонах, словно я твой враг, а не друг, а это одни из симптомов стресса. Вот так я и узнал.

– Но у меня же нет в глазах надписей!

– Это так говориться, а на самом деле я говорил об изменении в выражении твоих глаз.

– Почти понятно. А ты когда-нибудь испытывал стресс? – Миша с интересом смотрел на отца. Ему чудилось, что он вот-вот сможет вскрыть тот ящик, которым был его отец.

– Да.

– А когда?

– Да вот хотя бы сейчас, когда ты закатил мне истерику из-за этих рассказов.

– Но ведь глаза у тебя были нормальные. Я видел! Да и разговаривал ты со мной, как с другом. В чём же твои... эти самые... – Миша на секунду задумался, вспоминая трудное слово. Он нахмурил брови, но потом внезапно просветлел. – Симптомы?!

– Понимаешь, сын, взрослые умеют прятать их в себе, хотя и не всегда это получается.

– Тут? – малыш указал на голову.

– Нет. Тут, – Валера переместил его маленькую ручонку

к груди. – Вот тут они всё прячут.

– Интересно! – Миша с удивлением разглядывал свою руку, будто видел её впервые.

– Да, интересно, – подтвердил Валера.

Повисла минута тишины. Она не была тягостной, так как каждый думал о своём, но вполне возможно, что эта минута создала некую трещину в отношениях отца и сына, которые до этого были единым целым. Они дополняли друг друга, но вот ребёнку открылась истина, о которой он даже не подозревал. Оказывается, взрослые могут прятать что-то в себе и до поры до времени не показывать этого.

Думая об отце, как о закупоренном со всех сторон ящичке, Миша уже подсознательно знал что-то такое, но в полной мере это открылось именно сейчас. Взрослые могут что-то скрывать, а значит, что они не такие, какими кажутся с первого взгляда.

Возможно, это слишком сложные умозаключения для четырёхлетнего ребёнка, но внезапно для себя он провёл аналогию: взрослые прячут, или прячутся в себя, и те, кто хочет причинить ему зло, тоже прячутся. Они приходят из рассказов, а рассказы читает папа...

Этого не может быть! Возможно ли такое, что его папа желает ему зла? Нет, вроде бы не похоже, но... Но взрослые умеют скрывать...

– Что ты хотел рассказать мне? – спросил Миша.

– Скажи, тебе бывает страшно по ночам?

– Страшно? – Миша задумался. Он привык к тому, что подобные вопросы всегда задаёт он. Было ли ему страшно по ночам? Нет, ему не было страшно, потому что каждую ночь он был просто в ужасе. Но стоило ли об этом говорить? Чего же добивается его отец? Нет, здесь дело не в доверии, но всё-таки ночные страхи, это нечто личное (интимное, как сказали бы взрослые). И что же ему ответить? – Нет, ты же говоришь, что не надо бояться.

– Одно дело, что говорю тебе я, а совсем другое, что чувствуешь ты. Ну, так как?

Возможно, это был слишком тяжёлый вопрос для такого маленького ребёнка, но, на самом деле, Миша просто не хотел отвечать. И не ответил.

– Папа, – сказал он. – Мне кажется, что ты хочешь поговорить о чём-то другом.

Валера так и опешил. Он давно догадывался, что его сын во многом опережает своих ровесников, но чтобы такая проникательность... Валера действительно хотел поговорить о другом. Он хотел перейти ко второму этапу, то есть к подготовке своего чада к реальной жизни, где, зачастую, всё совсем не так, как кажется. Он хотел, чтобы его сын был готов к любым случайностям, ведь, в конце концов, ничто не вечно под луной. Может, он и понимал, что сам не готов ко всему, но сын... Сын должен знать, что мир вокруг не так прочен, как это может показаться с первого взгляда.

– Вообще, да, – ответил Валера. – Что ты знаешь о смер-

ти? – спросил он.

– О смерти? – переспросил Миша.

– Да, о смерти.

– Почти ничего. Я знаю, что когда приходит смерть, а это очень часто описывается в тех рассказах, которые ты мне читал, то человек не может двигаться, и все почему-то оплакивают его. Правильно?

– До некоторой степени правильно, но ты должен понять, что когда человек умирает, он уходит из твоей жизни навсегда. Ты уже больше никогда не сможешь увидеть его, кроме как на фотографиях, и никогда больше не поговоришь с ним. Он как бы исчезает, словно его никогда и не было, но, в то же время, остаётся в твоей памяти.

– Это действительно грустно, – заключил малыш. – Но зачем я должен это знать?

– Понимаешь, все люди смертны. В том числе и мы с мамой. Ты должен быть готов к тому, что когда-нибудь мы уйдём из твоей жизни. Это может произойти ещё очень скоро, но на всякий случай ты должен подготовить себя к такому.

– И вы оставите меня одного? – в глазах малыша застыл нескрываемый ужас. Больше всего в жизни он боялся именно остаться в одиночестве. Может быть, вся эта нечисть и не трогала его именно потому, что рядом были мама и папа.

– Нет, конечно же, нет! Что ты! – Валера понял, что попался в собственноручно выстроенную западню. – Ты нико-

гда не будешь одинок. Просто я хочу подготовить тебя к возможным жизненным ситуациям и стрессам, ведь ни мы с мамой, ни ты не можем знать, когда нам придётся уйти.

– Я не понимаю тебя, – признался Миша. – Но точно знаю, что не хочу, чтобы вы куда-нибудь уходили, чтобы я потом не смог ни увидеть вас, ни поговорить с вами.

– Я тоже не хочу покидать тебя, – сказал Валера. – Я хочу, чтобы ты раз и навсегда изгнал из себя все страхи. Ведь я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, папочка. Это всё, о чём ты хотел поговорить со мной? – Мише не терпелось послушать какой-нибудь интересный, захватывающий рассказ.

– На сегодня это всё, но я надеюсь, что в будущем мы ещё не раз поговорим на тему перипетий, уготованных нам этой жизнью.

– Да, папа, обязательно поговорим.

– А хочешь, я сам что-нибудь расскажу тебе?

– А что?

– Что хочешь, только не страшное.

– И не глупое?

– И не глупое, – согласился Валера.

– Тогда расскажи мне что-нибудь о Госпоже Луне и о Маленьких Звёздочках, – попросил Миша.

– Хорошо, – ответил Валера. – И на ходу стал придумывать сказку о вышеуказанных героях.

Он говорил и говорил, а сам в это время думал о преды-

душем разговоре. В этот вечер он как никогда остро почувствовал, что его сын абсолютно не готов к жизни во внешнем мире. Несмотря на все его усилия, Миша оставался мальчишкой, которого могла выбить из колеи любая мало-мальски неприятная случайность.

Права была Марина – все эти страшные сказки ничего не дали. Нет в них того, что может воспитать в человеке умение противостоять страхам. Может быть, он действительно, ещё слишком мал? Да нет, он же проявляет такие удивительные качества, которым можно только позавидовать.

Вывод напрашивался сам собою: следовало действовать каким-то другим путём. Но каким?

Валера ни в коем случае не отказался от мысли воспитать своего сына храбрым львом, он просто решил поменять направление.

Таким образом, он убивал сразу двух зайцев. Во-первых, он продолжал проводить свою линию воспитания, а, во-вторых, прекратились бы все неприятные разговоры с женой. Единственное, что оставалось решить, так это то, какую именно линию воспитания вести? Как воздействовать на эту самую психику ребёнка в нужном ключе?

Он продолжал рассказывать, не обращая внимания на то, что Миша вот уже десять минут лежал с закрытыми глазами. В его голове зрел план, который он собирался воплотить в жизнь. Этот план, по мнению Валеры, должен был раз и навсегда убить в его сыне все страхи.

Миша не спал. Он тоже думал, но думал о своём. Маленьким детям вообще сложно что-либо сопоставлять, и, уж конечно, думать в одном русле продолжительное время, затрагивая при этом весьма непростые понятия, но малыш учился это делать.

Он возвратился к своему открытию – к связи между папой и существами, которые досаждали ему по ночам. В конечном счете, он решил, что если и есть какая-то связь между его отцом и всей той нечистью, то они никак не на одной стороне, ведь папа всегда говорил о том, что хочет избавить своего сына от страхов. Он знакомил его с этими страхами, оставляя ему самому справляться с ними. Папа желает ему только добра.

Но взрослые могут скрывать...

Папин рассказ получился не очень удачным. По крайней мере, по сравнению с тем, что он читал до этого, эта история казалась глупой выдумкой. Он не вкладывал в характер Госпожи Луны всего того, что знал о ней Миша. Малышу в какой-то момент даже показалось, что, возможно, он смог бы придумать лучше.

Но вот история закончилась. Хорошо. До тошноты. Папа подумал, что Миша уснул, выключил свет, поцеловал его по обыкновению и ушёл, оставив одного.

В одиночестве.

Разлохмаченного и не-под-вя-зан-ного.

Миша ждал, что вот-вот придут обычные ночные страхи.

Но они не появлялись. Как будто притаились. Но они тоже умели скрываться, как и взрослые.

Малыша ждало ещё одно открытие. Точнее, раньше он просто не обращал на это особого внимания, но оказалось, что Госпожа Луна тоже умеет скрываться.

«Но она-то скрывается, потому что ей страшно, – подумал Миша. – Потому что она боится смотреть на что-то. Вот бы и мне научиться так скрываться».

Ночных страхов не было, но появилось что-то особенное. Это «что-то» вобрало в себя все ужасы малыша, и вскоре он понял, что оно готовится к нападению.

* * *

Прошёл час. Все огни в доме были уже давным-давно погашены, и на маленький летний домик накатывала тьма. Луна так и не вышла посмотреть, что же изо всего этого получится в конечном результате. Она решила умыть руки, или что там у неё есть.

Миша лежал в своей кроватке без сна. Сегодня он ощущал почти физическую пустоту от отсутствия змей, пауков, вурдалаков и прочей нечисти. Он знал, что сегодня её просто нет в его комнате, но от этого знания становилось только хуже.

Что-то проснулось на границе между сознанием и подсознанием. Это что-то тревожило куда больше, чем всё осталь-

ное. Это что-то намеревалось захватить мальчика и, возможно, показать ему что-то очень нехорошее. А может быть даже сотворить с ним это самое нехорошее.

Ветер за окном дул гораздо сильнее, чем вчера. Возможно, он служил предвестником обычной летней грозы, но всё могло быть совсем не так. Миша не знал. Миша боялся. Он боялся так, как никогда в своей жизни. Смутными бормочущими голосами доносились до него завывания ветра между деревьями и режущие нервы поскрипывания веток.

По потолку метались тени, складываясь в причудливые силуэты.

«Вот они, – думал Миша. – Вот они и пришли за мной! Папочка, спаси меня!!!»

Да, на потолке появлялись волки и змеи, прокажённые со скрюченными руками и миллионы других образов, которые рисовало восприимчивое детское воображение.

Остаться в кровати стало совершенно невозможно. Мише любыми путями надо было избавиться от всей этой вакханалии, словно смеющейся над ним и над его страхами.

Мальчик, как и в прошлую ночь, встал с кровати. Некоторое время он, не двигаясь, стоял возле неё и смотрел прямо перед собой.

«Взглянуть своим страхам в глаза, – пульсировало в его голове. – Мне надо взглянуть своим страхам в глаза, и тогда они ничего не смогут сделать со мною».

Но как это сделать? Ребёнок не так уж и часто задаёт себе

подобный вопрос, потому что он всегда сможет поинтересоваться у взрослых. Первый раз в жизни Миша что-то скрывал от своего отца. Ему казалось, что он учится быть взрослым, но на самом деле он давал своим страхам возможность проникнуть вглубь себя. Изменить себя.

Как и в прошлую ночь, он подошёл к окну. Лишь только он отдернул не сразу, а ещё долго стоял и смотрел на внешний мир через его кружевную фактуру... Так он был скрыт, а потом...

Занавес!

Нет, занавеса не было. Малыш отдернул его, желая посмотреть в глаза своему врагу.

– Иди к нам, – пели деревья.

– Иди к нам, – шелестела листва.

– Иди к нам, – завывал ветер.

Они, и только они населяли сейчас весь тот мир за окном. Или нет? Нет, конечно же! Ведь там было что-то ещё, что хотело причинить стресс.

– Нет! – закричал он в отчаянии. – Нет...

– Иди к нам...

В этот момент Миша понял, что не сможет в одиночку противостоять силе, которая поставила себе целью напугать его до безумия. Ему обязательно нужен был помощник в этом деле... Мама уехала. Значило ли это, что он может обратиться за помощью к папе? Но в таком случае пришлось бы раскрыть то, что на самом-то деле он – Миша – боится

всего и вся.

Всё это чушь! Обязательно надо идти к папе!

– Иди к нам...

– Нет, я пойду к папе, – ответил малыш, пятась от окна.

Затем он развернулся спиной к этому предательски завлекающему экрану и побежал. Учащённо дыша, он добрался до лестницы, ведущей в спальню, и принялся карабкаться по ней.

Папа не спал. Он лежал посередине огромной кровати, накрывшись простынёй, которая в это время года заменяла им с мамой одеяло, и тщательнейшим образом обдумывал вопрос о методах воспитания.

– Папа, ты спишь? – задыхаясь, спросил малыш.

– Нет, сын. Что случилось? Почему ты такой взволнованный?

– Помнишь, ты спросил меня о страхах?

– Да.

– Так вот: я боюсь. Я на самом деле боюсь. Можно к тебе?

– Конечно, можно, сын.

Валера не был сторонником того, чтобы дети спали рядом или вместе со своими родителями. С младых ногтей они должны привыкать к самостоятельности. Но в виде исключения ребёнку всё же можно было переночевать в одной кровати с отцом, тем более оправдывались самые наихудшие опасения, как самого Валеры, так и Марины. Ребёнок боялся. Причём, боялся до безумия. Права была жена, когда говори-

да, что эти страшные истории только расшатывают его психику. И как это он сам до этого не додумался?

Наверное, всё дело в том, что все эти сказки слишком далеки от реальности. Они навязывают свои образы, но не отражают действительности. Теперь Валера знал, что будет делать. Он будет играть. Он создаст для Миши какую-нибудь реальную ситуацию и посмотрит, как он её преодолет.

Но это потом, а пока...

– Давай, залезай на кровать, малыш.

Слова: «Я уже не малыш», – застряли у Миши в горле. Он вполне мог бы так сказать, если бы не прибежал сейчас сюда чуть ли не в истерике и не попросил у отца прибежища на ночь. Конечно же, он ещё малыш, который пугается каждой тени, встающей у него на пути.

Как ни странно, но Мишей вдруг овладело чрезвычайное спокойствие. Ему уже виделось как то, что пыталось догнать его, рвёт на себе волосы и грызёт ногти. У этого непрогнозируемого ничего не получилось. По крайней мере, сегодня.

Миша залез на огромную просторную кровать, на которой он ночевал всего-то пару раз в жизни, и уткнулся лицом в подбородок отца. Он обхватил шею родителя руками и, подтянувшись, зашептал ему на ухо:

– Ты самый прекрасный в мире папочка. Извини, что я потревожил тебя и спасибо за то, что разрешил остаться. Мне правда было страшно, мне казалось, что кто-то постоянно пытается причинить мне стресс.

– Ничего, ничего, – так же шёпотом ответил Валера. – Только скажи мне: твои страхи связаны как-нибудь с теми рассказами, которые я тебе читал?

– Да, папа. Все эти чудовища выходят из сказок и приходят по ночам ко мне. Но с ними я справлялся, однако сегодня мне показалось, что пришло что-то новое. Оно гораздо более страшное.

– В таком случае, я полагаю, ты понимаешь, почему нам следует отказаться от этих историй?

– Да, папа. Но что мы будем читать?

– Поверь мне, есть ещё масса интересных рассказов. Они не столь глупы, как те, которые тебе читала мама, но и не такие страшные, как те, которые в последнее время читал тебе я. Кстати, во многих есть захватывающий сюжет.

– Здорово! – малыш на какое-то время задумался. Так хорошо, как сейчас, ему не было даже сегодня днём. Он с удовольствием вдыхал папин аромат, и уносился на волнах умиротворения куда-то далеко-далеко, где нет абсолютно никаких страхов, и где ничто не желает причинить стресс малолетнему карапузу.

Но детская голова устроена так, что она просто не может обойтись без вопросов.

– Пап, а ты грустишь без мамы?

– В какой-то мере, сынок, ведь она ещё вернётся. Правильнее было бы сказать, что мне её не хватает. Понимаешь, эта разлука будет длиться совсем немножко, потому-то

и грусть моя небольшая.

– Мне её тоже не хватает, – признался Миша, вслушиваясь в ровное отцовское дыхание. – И у меня тоже есть грусть. Только эта грусть какая-то большая, как будто я никогда больше не увижу маму и не смогу с ней поговорить.

– Ну, что ты? Что ты такое говоришь?! – Валера прекрасно понимал, что это обычные детские фантазии, основывающиеся на недопонимании окружающей обстановки, но только от последней фразы неприятный озноб прошёл внутри его тела. – Мама скоро приедет, и ты обязательно сможешь увидеть её и поговорить с ней. Может быть, она даже захочет почитать тебе что-нибудь.

– Я знаю. Но, как ты сам говорил, одно дело то, что я знаю, а совсем другое – что чувствую.

– Неужели всё настолько плохо? – Валера задал этот вопрос скорее самому себе, чем сыну, но тот, тем не менее, решил, что этот вопрос адресован именно ему.

– Я не понимаю тебя, папа, – сказал Миша.

Валера повернул голову к окну и стал смотреть на покачивающиеся макушки деревьев, которые находились вровень с окнами спальни.

– Не уж-то ты чувствуешь себя настолько плохо, что тебя посещают такие нехорошие мысли? – попытался сформулировать свой вопрос Валера так, чтобы он был понятен его сыну.

– Днём я чувствую себя хорошо, – ответил Миша. – Но

ночью... Я совсем не могу спать, а утром мне тяжело подниматься. Ночью я чувствую себя совсем плохо. Но мысль о маме не связана с этим. Просто мне почему-то так показалось.

– Это плохая мысль, понимаешь меня?

– Да, я понимаю. Я постараюсь, чтобы впредь у меня больше не было таких мыслей.

– Не надо стараться, но воспринимай всё так, как оно есть.

Мама вернётся: ты меня понял?

– Да. А почему сегодня так шумно на улице?

– Помнишь, я говорил тебе о природных явлениях? – сказал Валера. – Так вот, это одно из них.

– Понятно.

– Давай спать.

– Да, папочка.

Валера уснул почти сразу. Что ни говори, но он здорово вымотался за день. Во сне он обнял своего сына одной рукой и что-то ласково, но неразборчиво прошептал ему.

Миша же ещё некоторое время не спал. Причина тому была обратной обычной. Малышу было очень хорошо. Пока он был в объятиях папы, никакая мерзость не могла позволить себе приблизиться к нему. Он был под защитой и наслаждался ею, не желая её терять.

Теперь мальчик был абсолютно уверен в том, что папа – это его лучший друг, который не допустит, чтобы у Миши случился стресс или нечто подобное. Малышу стало стыдно за то, что он огорчил отца. Но вскоре стыд прошёл, и нака-

тился сон.

Где-то далеко, на горизонте сознания, ещё маячила та странная угроза, которую он испугался, но именно в этот момент она была так далеко, как никогда раньше.

От папиного тела исходило тепло, которое позволяло позабыть обо всём на свете и наслаждаться этой ночью. Миша был совершенно уверен в том, что такое больше не повторится. К тому же скоро придет мама.

Он знал, что когда папа и мама вместе, то они ни за что не позволят ему спать с ними. А даже если и позволят, то вряд ли будут рады этому. Но почему? Этого Миша не знал.

Впервые за очень долгое время к мальчику пришёл здоровый крепкий сон. Миша был полностью расслаблен, а не дрожал, как обычно.

Вскоре веки его смежились, и он унёсся в прекрасную страну грёз, где не имеет никакого значения то, что случится завтра.

* * *

Против обыкновения Валера проснулся рано утром. Он был свежим и выспавшимся, а потому решил не разлёживаться, а встать сразу. Миша всё ещё спал, свернувшись калачиком возле него.

Валера встал и потянулся, расправляя кости. На улице творилось что-то совершенно невероятное для этого време-

ни года. Всё небо было затянуто серыми и тяжёлыми тучами, а деревья гнулись под напором сильных порывов ветра, который с особенным ожесточением терзал листву.

«Да, не лётная сегодня погодка, – подумал Валера. – Придётся весь день провести в заточении».

Он по обыкновению накинул халат и пошёл вниз на кухню. На середине лестницы он споткнулся и чуть было не упал, но вовремя успел схватиться за перила. В этот момент у него родилась некая мысль, которую ещё трудно было озвучить, но она начала формироваться. Зреть, так сказать.

На кухне было довольно прохладно. Да и во всём доме чувствовалась холодность и неуютность. Валера решил, что всё это из-за погоды, но где-то в глубине души он понимал, что в доме неуютно из-за отсутствия Марины.

Сока не хотелось. Хотелось дымящегося кофе. Чёрного. Валера включил кофеварку и принялся нарезать бутерброды.

Не исключено, что скоро встанет и Миша, а, следовательно, стоит позаботиться и о нём. Он любит поджаренные хлебцы с расплавленным на них твёрдым сыром.

Мысль тем временем приобретала нужную форму.

Так как же его воспитывать? Вчера стало совершенно ясно, что мальчик просто переполнен страхами, Валера не переставал думать об этом. Надо было применить любой действенный метод, чтобы мальчик понял...

В книжках говорилось о преодолении всевозможных

стрессовых ситуаций посредством самого стресса, но о том, как это можно сделать, там не упоминалось. Всё зависит от ситуации.

Когда кофе был готов, Валера поднялся наверх и убедился, что Миша ещё спит. Спускаясь, он вновь отметил про себя лестницу. Какова бы ни была его мысль, но лестница занимала в ней доминирующее положение.

Потом он позвонил Марине, чтобы убедиться, что у неё всё в порядке. Она быстро и сбивчиво объяснила, что у неё всё хорошо, что ситуация разрешилась, и что к полудню она попытается разделаться со всеми делами, а значит, ждать её можно к обеду.

«Что ж, к трём, так к трём, – подумал про себя Валера. – Будем ждать с нетерпением».

Ничто не предвещало осложнений, вот только мысль забилась быстрее. Да, надо было что-то сделать, и успеть нужно до приезда жены, так как она противник радикальных мер.

Радикальных мер?! Каких радикальных мер?! Причём здесь вообще радикальные меры?!

Валера пил кофе и размышлял о том, что же он должен успеть до того момента, когда придет жена. Мысли хромали и спотыкались, а иногда ещё и сталкивались между собой. Что-то во всём этом было, но вот чтобы вычленить это что-то, придётся попотеть.

С одной стороны, напрашивался итог предыдущего способа воспитания. Выдача ребёнку страхов, чтобы он научил-

ся с ними справляться, не оправдала себя. Малыш был запуган, как питающаяся на помойках дворняга.

«Бедный мальчик, – подумал Валера. – А я-то не мог понять, почему он так плохо встаёт!»

Но пускать дело на самотёк тоже не стоило. Надо было придумать что-то такое, что-то действенное и безобидное. Более того, надо было привести это в жизнь до приезда Марины, что означало, что времени осталось в обрез.

Лестница... Причём же тут лестница?

За окном непогода разошлась не на шутку. Ветер едва ли не ураганный. Он то взывал, как раненый зверь, то стучался в стены. В такую погоду вообще думается тяжело. Не получается сосредоточиться. Отвлекают даже ветки, скребущие по внешним сторонам стен и оконного стекла.

Горячий кофе приятно разливался по внутренностям, обогревая их. Внезапно Валере захотелось закурить. Вообще-то он не курил, но когда надо было принять какое-нибудь важное решение, то был не против сигаретки – другой. Особенно в такую погоду.

Он затянулся облегчённой сигаретой, и внезапно решение само пришло к нему. Точнее, сформировалась мысль, которая родилась у него на лестнице.

Вкратце эта мысль звучала так: нужно, чтобы Миша подумал, что его отец умер.

Дико? Безусловно. Но как по-другому? Если ребёнок будет думать, что родители вечные, а потом вдруг что-то слу-

чится, что тогда? Сможет ли он противостоять этому одиночеству?

Нет, он должен будет раз и навсегда решить для себя, что будет делать в такой ситуации. По крайней мере, взаправду отца он не потеряет, а временная стрессовая ситуация ему не помешает. Вот вам и радикальные меры!

Это же жизнь! Такое может случиться с каждым! Он должен быть готов! Нет ничего чрезвычайно страшного в том, что ребёнок подумает, будто его отец мёртв. Валера был просто уверен, что в этом нет ничего страшного. Ну, поорёт немного, ну, испугается, зато будет готов в будущем. И это не будет приходить ночными кошмарами, а то ишь, нюни распустил!

«Точно, – подумал Валера. – Так и сделаю».

И сделал. Но не сразу. Перед тем, как оглушить сына, он принял ванну. Выпил ещё кофе. Поработал над своим проектом, думая в это время только об одном – как все устроить.

К десяти часам утра приблизительный план был готов. Он заключался в том, что когда Миша проснётся, Валера ляжет под лестницей и притворится мёртвым. Всё достаточно легко и просто.

Миша подумает, что отец упал с лестницы, подбежит, попробует окликнуть, но Валера не будет отзываться. Тогда Миша подумает, что отец умер, и вот тут наступит самая интересная часть. Валере очень хотелось узнать, что будет делать его сын, когда поймёт, что больше никогда не сможет

поговорить с отцом.

Валера не подумал только об одном, что его сын будет находиться в полной уверенности, что он остался в одиночестве. Он не придавал особого значения вчерашнему разговору. Как обычно. К тому же вся эта затея не отнимет много времени. Через десять минут Валера встанет и скажет, что с ним всё в порядке.

По мнению отца, вплотную занимавшегося воспитанием своего сына, такой подход к делу должен был дать неожиданные результаты. Валера надеялся, что сможет таким образом выбить из своего сына все страхи, а если нет... Что ж, время терпит.

Он сидел в гостиной на кресле и читал очередную книжку по воспитанию детей, в которой так же, как и во всех остальных, не было и намёка на столь радикальные меры воспитания. Вместе с тем, Валера внимательно прислушивался к тому, что происходило наверху. Он не должен был пропустить момента, когда Миша проснётся. А это, судя по всему, должно было произойти уже совсем скоро. Было полдвенадцатого.

Лишь на секунду Валера усомнился в том, что делает правильно. Это случилось потому, что в книжке, которую он читал, было написано примерно следующее: «Детей, не достигших пяти лет, следует хранить от стрессов и всяческих шоковых ситуаций, потому что в этот период у них формируется психика, и закладываются основные понятия. На них

нельзя кричать, их нельзя бить и даже нельзя показывать, что вы ими недовольны, иначе они могут перенести ваше отношение к ним на своих детей...»

– Чушь какая-то, – буркнул Валера. – В одной книжке одно написано, в другой – обратное. И как в этом разобраться?

Но он решил ничего не менять. Его ребёнок более развит, чем его ровесники, а это означало, что он уже готов. Ну, не слюняем же ему расти?! Нет, это исключено! Миша должен вырасти настоящим мужиком, а он – Валера – должен приложить к этому максимум усилий. Он сделает всё, что сможет.

Стрелки медленно приближались к двенадцати. За окном всё было по-прежнему. Казалось, что погода просто спятила и перепутала лето с осенью.

Внезапно погас свет. Это было плохо, так как уличного катастрофически не хватало. По всей видимости, где-то поблизости сломанное дерево упало на провода и разорвало их. Валера отложил книгу и прислушался.

Внутри дома всё было тихо. Миша всё ещё спал. Валера откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Как там Марина? Интересно, в Москве такая же погода, как и здесь? Почему-то вспомнились те дни, когда они только узнали о том, что у них появится Мишутка. Как же это было давно! Да, этот момент как бы разделил их жизнь на «до» и «после». В них в обоих было и хорошее, и плохое, но они были совершенно разными.

На следующий день после того, как жена принесла ему это

радостное известие, он купил первую в жизни книжку о воспитании. Теперь их насчитывалось уже больше пятидесяти. Но тогда, вертя в руках эту хлипкую брошюру, он ощутил на своих плечах груз ответственности за не появившегося ещё на свет ребёнка. И ему стало страшно.

Этот же страх он испытывал и по сей день, но теперь он видоизменился и превратился в нечто большее, чем просто страх из-за того, что надо взять на себя ответственность за ещё одного человечка, причём, очень-очень маленького, неспособного ни ходить, ни говорить, ни размышлять. Это был страх за будущее Миши.

Наверху возникло движение. Малыш проснулся, и нужно было спешить исполнить задуманное. Десять минут и будет результат, и будет видно.

Валера лёг под лестницей, заняв такое положение, чтобы можно было подумать, что он упал с неё головой вниз. Первоначально он хотел разлить кругом чего-нибудь красное, что походило бы на кровь, но потом подумал, что это будет слишком, и решил воздержаться.

Наверху раздался топот. Теперь было совершенно очевидно, что Миша поднялся и направляется вниз. Интересна только его реакция. Только реакция на смерть близкого человека.

Валера лежал с закрытыми глазами, а потому не мог видеть, что происходит, но он пытался представлять. Вот появляются маленькие ножки, обутые в мягкие пушистые тапоч-

ки. Ничего не подозревающий ребёнок направляется на кухню, чтобы найти отца и съесть чего-нибудь. Вот он застывает на верхней площадке и округлёнными не то от ужаса, не то от удивления, а может, и от того, и от другого сразу глазами смотрит на распростёртое внизу тело. Вот он сбегает ниже, останавливается, ещё ниже... И... Что «и»?

Валера не мог представить, что сейчас твориться с сыном, и едва подавил в себе желание открыть глаза, настолько оно было велико. Он-то ждал, что Миша закричит, но тот не кричал.

Он даже не стал подходить близко к отцу. Минуту спустя Валера услышал робкие шаги отступления. По-прежнему царила тишина, а Миша возвращался в спальню.

* * *

Малыш проснулся около двенадцати. Сразу же он почувствовал, что что-то не так. В силу своего возраста он не мог сказать, что именно. Может, повлияла погода, бесившаяся за окном, может быть, отсутствие отца. Но было очень тревожно.

Некоторое время он просто лежал и смотрел в потолок. От вчерашней умиротворённости не осталось и следа. Ночной страх вернулся и грозил причинить стресс. Он словно решил отыграть за то, что вчера мальчик смог с ним справиться. Надо было найти папу.

Миша соскочил с постели, но быстро ретироваться из комнаты не удалось, потому что вчера из-за своего состояния он закинул тапочки далеко под кровать. Там было темно. Очень темно. И страшно.

В конце концов, ребёнку удалось добраться до своих тапочек, и он, подпрыгивая точно мышь при каждом порыве ветра, ударяющего в стену, пронёсся в сторону лестницы. Всё это время – с того момента, как проснулся, и до того, как добрался до лестницы – он судорожно пытался понять, что с ним происходит. Весною он много общался со своими ровесниками – соседями по двору, но они никогда не говорили, что с ними когда-либо происходило подобное. С другой стороны, с ним самим такое произошло впервые. Детство – это такое время, когда всё вокруг кажется удивительным, упоительным... И страшным. По крайней мере, для Миши окружающий мир во многом был страшным, хотя и прекрасным тоже.

Он надеялся, что отец на кухне, или, в крайнем случае, в гостиной, ведь в довершение всего было ещё и темно. Призрачно.

Да был бы он вообще дома! Но тут...

В сгустившемся сумраке Миша увидел, что внизу под лестницей что-то лежит. Даже не что-то, а кто-то. Малыш спустился на несколько ступеней вниз и понял, что это лежит его отец.

Крик застрял в Мишином горле. Возможно, окажись под

лестницей то чудище, которое всегда пряталось, то Миша закричал бы, но сейчас он не мог выдать из себя ни звука. Вот это было по-настоящему страшно.

Вихрь чувств, эмоций и мыслей, обуял несчастного мальчика. В тот момент он совсем «отключился» от реальности.

Он был в одиночестве.

Он в нём и остался. Значит, папа всё-таки врал, когда говорил, что они с мамой никогда не оставят его. Прошла всего одна ночь, и вот, папа лежит и не может пошевелиться.

Может быть, он просто уснул? Да нет, люди не спят в таком положении. Может быть, подойти к нему и поговорить? Да нет же! – кричал его разум. – Папа умер, а ты остался в одиночестве!

Случилось почти самое худшее. А почему «почти»? Да потому, что теперь надо ждать самого худшего. Теперь То-Что-Прячется будет знать, что Миша остался один, и обязательно придёт к нему, чтобы причинить стресс, а, может, и ещё, что похуже.

Внезапно в детском сознании мелькнула мысль: а что, если это ночное чудище убило папу? Ведь в сказках часто так бывает. В страшных сказках.

Миша стал отступать. Он не мог и не хотел подходить к бездвижному телу отца. Его разум горел в жестоком пожаре. Самым плохим было то, что он не понимал, что же ему делать дальше. Он продолжал отступать обратно к спальне.

В спальне оказалось ещё хуже. По ней метались тени растревоженных ветром деревьев, протяжно скрипевших, словно требовавших прекратить эту пытку.

– Иди к нам, – слышалось мальчику.

Уже не тихий шёпот, которому можно противостоять, а громкое призывное пение, на которое нельзя не ответить, влекло его. Но Миша пытался бороться с ним.

Сначала он забрался на кровать. Только сразу же понял, что здесь он всё равно остаётся в опасности. Надо было спрятаться. Но куда? В спальне не было таких укромных мест, как, например, в гостиной. Однако путь в гостиную преграждал отец...

Миша попытался спрятаться в углу, возле телевизора, но что-то ударило в стену с той стороны, и он отскочил обратно в центр комнаты.

С правой стороны у дома рос огромный клён. Это он бился своими мощными ветками о стену. Миша не подумал об этом. Он решил, что чудище подобралось к нему уже совсем близко, и теперь скребётся и стучится в стены.

Что же делать? Этот вопрос мигал в сознании мальчика красной лампочкой. Он же жёг мозг, как раскалённое железо. Необходимо было срочно что-то делать, иначе этот монстр, это чудовище придёт и схватит его, а Миша очень не любил, когда его хватали.

А что если с папой всё в порядке? Миша рискнул вновь приблизиться к лестнице, но все его надежды остались пу-

стыми мечтами – тело лежало в том же положении, в каком Миша увидел его в первый раз: ноги на ступени, а голова на полу. Отец без сомнения был мёртв. Надо спастись самому!

Но как? Миша находился в абсолютной растерянности по этому поводу. В конце концов, он был всего лишь маленьким мальчиком, которого бросили родители, оставив его в одиночестве. Ему ужасно хотелось поплакать, но он не мог, потому что папа всегда говорил, что плачут только девчонки.

На улице начался дождь. Смоченная им листва зашуршала ещё призывней.

– Иди к нам, – звала она.

– Иди к нам, бум, – барабанил по крыше дождь.

– Иди-и к на-ам, – подвывал ветер.

Мальчик забился в тихой истерике. Он метался по родительской спальне не в силах что-либо придумать и как-нибудь изменить сложившуюся обстановку.

На пару минут он замер на месте. Ни с того ни с сего в голову Миши ворвались сумбурные мысли. Так врывается ветер в окно.

А что если случилось так: его папа не умер, но из него вышло то, что он скрывал? Что если, это – то самое, что хотело добраться до Миши? Но теперь папа выпустил его, и оно свободно. Этого не может быть!

Как бы там ни было, но монстр, таившийся раньше во мраке ночи и зарывавшийся куда-то днём, вышел теперь из своего логова. Он хочет только одного – сделать Мише плохо.

Мальчик снова забегал взад-вперёд по комнате, словно таким образом мог отпугнуть кого-то. Из его глаз лились слёзы, а в зрачках застыл Великий Ужас. Такой ужас могут испытывать только дети, потому что они не могут ни понять его, ни объяснить его природы. Если он приходит к ним, то они ведут себя совершенно непредсказуемо. Нельзя сказать, что взбрѣдет им в голову, и что они предпримут, чтобы избавиться от него.

Миша напоминал сбрендившую электронную игрушку, которая слепо тычется во все стены, не зная, что выход рядом.

– Иди к нам! – звал монстр из-за окна, пользуясь голосами природы.

Миша недоверчиво посмотрел в окно. Тюль был отдёрнут, и внешний мир отлично просматривался. Он бушевал, словно женщина, потерявшая ребёнка. Было страшно.

Но это уже не новость. У Миши вдруг появилась уверенность, что всё это время он ошибался. На самом деле монстр всегда был внутри дома. Рядом с ним. В его папе. Он постоянно подлизывался и заставлял плохо думать о маме. Теперь монстр освободился и бродит по дому. Улица казалась единственным спасительным местом. На самом деле ни деревья, ни ветер не хотели его напугать. Нет, они хотели спасти его... от неминуемого стресса.

Если бы папа любил его – любил по-настоящему, – то он не ушёл бы в тот момент, когда его сыну было плохо. Он бы

не умер, а постарался защитить своего ребёнка.

Миша сделал шаг к окну.

И всё же на улице было очень страшно. Даже находясь в таком состоянии, малыш сомневался, что деревья и ветер, да и все остальные смогут защитить его. В чём-то они походили на него самого. Возможно, они и сами чего-то боялись. Но с другой стороны, если они не могли защитить его, то зачем звали?

Миша сделал второй шаг к окну.

А, может, всё это сон? Может быть, он тихо дремлет в своей детской, а ночной монстр пытается напугать его? В таком случае необходимо срочно проснуться! Но как? Миша ещё ни разу в жизни не попадал в подобные ситуации.

– Папа! – позвал он в отчаянии. – Папа, помоги мне! Папочка, я люблю тебя!!!

Но ничего не изменилось. Если даже это и сон, то Миша видел только один выход...

– Иди к нам, – приветливо, а не угрожающе, шелестя листво́й, зывали его деревья.

Мальчик сделал третий шаг.

Что же такое творится вокруг? С нами? С миром? Ещё вчера всё было просто прекрасно, и ничто не предвещало беды. Почему его никто не предупредил, что такое может случиться? Хотя нет, вчера отец пробовал поговорить с ним на эту тему... Да вот только малыш не понял. Он не понял самого главного – что изо всего этого следует. Он понятия

не имел о цели. Он не знал, зачем ему нужно становиться бесстрашным.

И теперь не понял. Единственное, что он понимал отчётливо, так это то, что ему нужна защита и помощь. Для осознания всего остального он был ещё слишком мал. Он был обычным маленьким ребёнком, к тому же очень испуганным.

Миша сделал четвёртый шаг.

Внизу кто-то завозился. Было слышно, как он тяжело дышит. Затем мальчик услышал, как этот кто-то поднимается по лестнице. Отец не мог этого сделать. Отец умер, и не мог двигаться, значит, тот, кто поднимался по лестнице наверх в спальню, был никем иным, как монстром, давно пытавшимся схватить Мишу.

– Иди к нам, – звала листва.

– Иди к нам, – звал дождь.

Теперь их голоса были наполнены истинным трагизмом. Они хотели ему помочь, а он никак не хотел прийти к ним.

Миша понял, что медлить больше нельзя. Он буквально сорвался с места и побежал к окну. Ещё доля секунды ушла на то, чтобы влезть на подоконник. Теперь запоры...

Оконная рама запиралась только на нижний шпингалет, поэтому уже в следующую секунду мальчик стоял в створе окна. Он вдыхал свежий воздух, приятно холодивший лицо и успокаивавший взбудораженный разум.

– Иди к нам, – звала мальчика природа.

И он пошёл. Он сделал всего один шаг...

В пустоту...

* * *

Валера открыл глаза в тот момент, когда его сын позвал на помощь. Первым его желанием было броситься в спальню и успокоить карапуза. Но тот должен был привыкнуть к жизненным тяготам, поэтому бежать сейчас туда казалось Валере преступлением. Миша должен вырасти бесстрашным. Возможно, это идея фикс, но ребёнок просто обязан быть лучше своих родителей...

Потом наверху всё стихло. Валера подумал, что его сын забрался на кровать и укутался в простыню, которая всё ещё пахла папой. Мужчина обладал некоторым образным мышлением, но ему и в голову не могло прийти, что в тот момент испытывал его сын. Если бы знал, то непременно рванул бы к нему.

Наконец, Валера решил, что хватит уже мучить ребёнка. Марина должна была приехать менее чем через три часа, а ведь перед её приездом надо ещё успокоить малыша. И желательно ещё договориться с ним, чтобы он ничего не рассказывал маме.

Отец, чрезвычайно заботящийся о воспитании своего сына, поднялся на ноги и прислушался. Снаружи бушевала стихия. Она, как будто, и не собиралась умиряться, а, наоборот,

расходилась всё сильнее и сильнее. Наверху же царила абсолютная тишина. Валера представил, как его сын беззвучно рыдает в подушку. От этого образа стало невероятно тяжело на сердце, как будто он купил в магазине игрушку, а та оказалась с браком. В любом случае время обмена уже прошло.

Он, не спеша, ступенька за ступенькой поднимался наверх. Вокруг царили странные сумерки, создававшие причудливые полутени.

Когда Валера был уже на полпути к цели, в спальне возобновилось движение. Создавалось впечатление, что над головой танцует стадо слонов. Затем всё снова стихло.

В груди застыло тревожное ощущение, однако Валера всё ещё медлил с тем, чтобы показаться своему сыну живым и здоровым.

Но вот и конец лестницы. Дальше – спальня. Валера вошёл и не поверил своим глазам: Миши нигде не было. Для верности мужчина заглянул под кровать, но и там было пусто. Мальчик растворился в комнате, в которой просто невозможно было спрятаться.

Валера огляделся и только тогда увидел, что окно в сад открыто. Не чувствуя ног, он подбежал к нему и посмотрел вниз – туда, где они с сыном только вчера посадили куст красной смородины. Он подумал, что зрение подводит его. Точнее, хотел бы, чтобы это оказалось так.

Находясь в полуобморочном состоянии, он сбежал по лестнице, затем, пробежав через весь дом, выскочил на ули-

цу. Обезжав здание, Валера встал, как вкопанный. Сначала на его глазах выступили слёзы, а после он разрыдался во весь голос.

Мальчик висел на арматурине. Когда он падал из окна, то лицом попал на её верх. Ржавый кусок железа через глаз прошил его голову. Тело колыхалось на сильном ветру, который привык раскачивать всякие грузы. Его обмывали струи не по-летнему холодного дождя; и ничто на свете не могло вернуть к жизни этого мальчугана. Он действительно уже никогда не сможет поговорить с мамой. Он не сможет двигаться.

И все будут оплакивать его.

Лишь листья шелестели на ветру.

– Иди к нам,– слышалось в этом шелесте Валере.

Конец

25-27.10.2002

Жена террориста

Это сейчас я уважаемый корреспондент авторитетного и всеми уважаемого издания. Но начинал я не так. Начинать я в абсолютно жёлтой газетёнке человеком на побегушках и практически без зарплаты.

Мне приходилось зарабатывать себе на хлеб всеми возможными путями: так, например, я даже спекулировал номерами конкурирующих изданий, но журналистская жилка не позволяла мне совсем отойти от своего призвания, поэтому я был вынужден гнаться за новыми, захватывающими материалами для статей.

Если вы помните, в оные годы начинал бушевать пожар международного терроризма. До развязки, которую все мы не можем вспоминать без содрогания, было ещё далеко, но и те происки, что уже случались, наводили на людей ужас: брали заложников, взрывали дома, падали самолёты, сходили с рельсов поезда и трупы, трупы, трупы, трупы.

Тогда меня очень интересовал вопрос: кто стоит за всем этим? В чём заключается цель, которая оправдывает эти кровавые средства? Я знал, что в своём городе и у своего правительства я ответов не найду. И решил на откровенную авантюру: поехать к их логову и разыскать кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить. В лучшем случае я надеялся получить ответы на свои вопросы и сенсационный материал,

который помог бы мне выбиться в люди, а в худшем – меня поджидала смерть. Но, как говорится: кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

И я поехал. Получил от начальства мизерные командировочные и отправился в путь. Современные технологии позволяют связаться с любым человеком на Земле, где бы он ни был, а тогда наука была ещё далека от этого. До ближайшей «горячей» точки я добирался почти двое суток, и уже начал ругать себя за легкомыслие, поминутно стряхивая пыль с брюк. Я всегда, знаете, пытался соответствовать.

К тому же угнетало то, что ничего «горячего» я там не заметил: город и город. Ну, может быть, военных чуть больше, чем у нас, некоторые дома пробитыми боками вспоминают о минувших когда-то боях, но так всё как обычно. Я даже отчаялся, не надеясь уже заполучить никакой сенсации, но тут в моей голове промелькнула сколь светлая, столь и безумная мысль, что надо удалиться от города и искать там. И я вновь тронулся в путь. Протрясаясь ещё двенадцать часов по холмам и взгорьям, я оказался в одном богом забытом селении.

Гробовая тишина и отсутствие какого-либо движения в разгар дня озадачили меня. Я проезжал мимо домов с наглухо закупоренными окнами. Потом, сквозь прорези в ставнях, я всё-таки разглядел мимолётное движение, что удивило меня ещё больше.

Окончательно меня убила надпись, сделанная на бледной стене ядовитой краской. Аршинными буквами она кричала

со стены:

«ЖЕНА ТЕРРОРИСТА!!!»

Я остановил машину, взятую напрокат в городе. Не предвкушая сенсацию, я всё же ощутил дрожь во всём теле. Что-то было в этом селении. Что-то, не побоюсь этого слова, – мистическое. Ну, может быть, не мистическое, но странное, это уж точно.

Хлопок двери прозвучал выстрелом. Я невольно поёжил-ся, но, подсознательно чувствуя, что за мной следят, старался не подавать вида, хотя сам был испуган до чёртиков. Распрямив плечи, и, стараясь ступать непринуждённой походкой, я пошёл к дому.

Только тут понял, чем ещё этот дом отличался от остальных: на окнах здесь тоже были ставни, но по непонятной причине они были прихвачены толстенными досками, да и вдобавок ко всему царил дух запустения.

Грешным делом я уж подумал, что вообще зря остановился, но вдруг на заднем дворе послышалось шуршание.

Миновав довольно мрачный фасад, я оказался там. Каково же было моё удивление, когда моим глазам предстал полный разнообразной жизнью участок земли, что являлось полной противоположностью увиденного мною снаружи. Я даже рот раскрыл. Но потом сообразил, что барашки, птица и всё остальное является вполне естественным для этих мест.

Больше всего меня интересовало, кто за всем этим ухаживает.

вает. Должен же кто-то кормить всю эту живность?

Я увидел дверь в стене и поспешил к ней. Здесь на входе всё напоминало бомбоубежище. Я постучался.

Никакой ответной реакции.

Я постучался ещё раз. Теперь уже ногами. Внутри вроде как завозились, но дверь открывать не спешили. Прошла ещё долгая минута, прежде чем изнутри был задан вопрос:

– Ну, кого там ещё нелёгкая принесла? – спросил голос, явно принадлежащий молодой женщине.

– Меня, – честно сознался я.

– Что значит: «меня»? Кто Вы?

– А Вам не кажется, что Вы задаёте слишком много вопросов для сельского жителя? – парировал я её выпад.

В ответ я услышал несколько непечатных выражений, после чего зазвучала туземная речь, которая, по всей видимости, в ярких красках отражала мнение хозяйки обо мне.

– Да не кипятитесь Вы так, – прервал я её тираду. – Лучше откройте! Я журналист, и ничего плохого вам не сделаю.

– Журналист? Искатель дешёвых сенсаций?!

– В общем, да! – ещё раз честно признался я.

Совершенно неожиданно для меня, решившего, что пора уже потихоньку отваливать отсюда, закрипел замок, и входная дверь отворилась.

Ещё не доверяя своей удаче полностью, я крадучись проследовал в дом и поинтересовался:

– Почему вы открыли?

– Люблю прямых людей, они не способны на подлость, – ответила мне миниатюрная чернявая девчущка. Говорила она с едва заметным акцентом.

Честно говоря, в прихожей мне показалось, что ей лет четырнадцать-пятнадцать – не больше, если не меньше, но, когда мы прошли на кухню, куда она пригласила меня жестом, в свете одной-единственной яркой лампочки, я понял, что ошибся, по крайней мере, лет на десять.

– Мне тридцать, – сказала она, перехватив мой изучающий взгляд.

Я смутился. Она тоже. Потом, взглянув из-под густых бровей, добавила:

– Скоро будет.

– О, это несущественно, – постарался я хоть как-нибудь сгладить приключившийся конфуз. – Хотя должен заметить, что выглядите Вы гораздо моложе.

– Спасибо. Хотите чаю?

Только тут я понял, что каждый раз, когда она смотрела на меня, то, словно ток по жилам бежал вместо крови. Раньше со мною такого не приключалось.

Она налила чаю. Сначала мне, как гостю, а потом и себе. Однако гнетущее молчание по-прежнему не спешило улетучиваться. Я попытался завести разговор:

– А чего вас все так опасаются? – спросил я.

– По-разному, – уклончиво ответила девушка.

– Не понял.

Я поймал себя на том, что всеми силами пытаюсь перехватить её взгляд. Я однажды тонул, и до сих пор помню, как старался ухватить хоть глоток воздуха. Это было сопоставимо. Но она упорно не хотела подарить мне хоть мгновение блаженства. Её что-то тяготило. Я не мог понять, что именно, но это точно было не моё присутствие.

– Расскажите, пожалуйста, как вы тут живёте. Я уверен, что людям, живущим в нашей стране, будет интересно это узнать!

Она молчала.

– Вы же понимаете, что я приехал за сенсацией и не уеду без неё отсюда.

Молчание.

Но я не сдавался. Тут ненароком мне в голову пришла одна мысль.

– И что это за надпись, сияющая на фасаде вашего дома.

Попал. Я сразу понял, что попал в яблочко. Во-первых, она сразу пронзила меня молнией своих непроглядно-чёрных глаз, а, во-вторых, я чуть ли не в яви слышал, как что-то щёлкнуло, сломалось.

– Хорошо, – проговорила она, – будет вам очерк по рассказам местного жителя, но я прошу вас не называть этого места и не описывать меня.

Я удивился, но сразу закивал головой в знак согласия.

– И ещё кое-что, – она снова потупила свои прелестные угольки в пол, но на этот раз как бы в смущении.

– Что?

– Обещайте мне, что чтобы вы ни услышали от меня сейчас, Вы будете относиться ко мне точно так же, как в тот момент, когда постучали в эту дверь.

– А если я не смогу? – спросил я по той причине, что тогда, когда постучался, то и не предполагал, что на нашей грешной земле живут небесные создания. Я прекрасно понимал, что безнадёжно влюбляюсь, а потому не сразу понял, что она имеет в виду.

– Но я прошу Вас. Ведь Вы же журналист, Вы можете относиться ко всему непредвзято!

В её голосе зазвучали умоляющие нотки, и тут я уже ничего не мог с собой поделать.

– Хорошо, хорошо, – затараторил я, – я обещаю Вам, что чего бы я там не услышал от Вас, не стану относиться... – тут я слегка замялся, потому что начал говорить не совсем то, о чём она просила, но в считанные секунды нашёл выход из положения – ...к Вам хуже.

– Спасибо.

Простите мне постоянные отступления, но если бы вы слышали, насколько божественно в её алых губках звучало это слово, то наверняка согласились бы слушать его вечно.

Мне даже приходилось сдерживать себя, чтобы не вытянуть к ней шею, сложив губы бантиком, в глупой надежде, что она хоть слегка тронет их поцелуем. Я тряхнул головой, чтобы сбросить с себя это наваждение, и только тут понял,

что она уже повела свой рассказ, и что если я и дальше буду бессмысленно хлопать глазами и ушами, то точно останусь без репортажа.

– ... И вот тогда, чтобы пресечь все их эти безобразные выходки, мне и пришлось забить ставни досками и укрепить вход в моё жилище. Должна сказать, что, по сути, вся жизнь проходит взаперти. Я уже и забыла, когда последний раз покидала пределы своей территории.

Нет, как-то, раз я вышла и крикнула, как можно громче, что скоро сюда приедет мой муж со своими дружками, и тогда им всем не поздоровится. Теперь, только завидев вдалеке какое-либо движение, весь посёлок словно вымирает. Боятся. Так им гадам и надо.

Примерно в то же время появилась и надпись на доме. Она не стирается. Я хотела оттереть её, но у меня ничего не получилось.

– Я ответила на Ваш вопрос?

– А... – меня словно окатили холодной водой. – Да, но...

Я всё слышал, но так заслушался её речью, что мой собственный голос казался здесь неуместным.

– Но я так и не понял, кто Ваш муж?

– Как? Это же написано крупными буквами на моём доме!!!

– Так это правда?

Уверен на все сто процентов, что в тот момент у меня был самый идиотский вид не только за мою жизнь, но и за исто-

рию всего человечества.

– Да. Это чистая правда. Мой муж участвовал во взрывах домов, тренировал шахидок, набирал новые кадры в бандформирования.

Запечатлей меня тогда фотограф, то первое место на конкурсе «бараны и ворота» мне было бы обеспечено. Я вытаращился на неё до неприличия, меня начала долбить крупная дрожь и мандражка и захотелось поскорее убраться подальше подобру-поздорову. Но потом я сказал себе: чувак, ты же ехал столько дней именно за этим. Отступить теперь поздно.

Отпавшую было челюсть я вернул на место без помощи рук. Это уже говорило о многом. Потом я с трудом сделал непроницаемое выражение лица и приготовился к дальнейшему диалогу.

Девушка молча смотрела на перемены, происходящие со мной.

– Кажется, Вы сумели справиться с собой, – сказала она почти шёпотом.

– Да, – ответил я чуть громче.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Как ни странно, обожание, зародившееся во мне в первые минуты, не исчезло, а её взгляд как будто оттаял и значительно потеплел. Я был готов уже втрескаться по самые уши, но несоответствие моих впечатлений и того, что она говорила, останавливало меня.

– А Вы не хотите подшутить надо мной? – использовал я свою последнюю зацепку.

Она молча покачала головой.

– Дела, – проговорил я в воздух и прочистил горло.

– Ещё чаю? – вопрос был задан таким тоном, как будто ничего не случилось.

Я посмотрел на чашку, та была совершенно пуста.

– Да... нет... не стоит... впрочем, можно...

Да что это со мной, Господи?!

Она рассмеялась. Этот смех был подобен тихому ликованиям небес. Она взяла чайник и наклонилась, чтобы налить мне дымящегося напитка. Меня потрясли мягкие и ненавязчивые запахи, исходящие от неё.

– Но что может связывать такое светлое создание, как Вы, с таким извергом, как Ваш муж.

Она улыбнулась. Без слов было понятно, что она скажет: такая горечь сквозила в этой улыбке.

– Я люблю его.

– Как?! – я просто взорвался.

Я вскочил со своего места, чуть ли не бросил свою чашку на стол и стал, как бешеный носиться взад и вперёд по кухне.

– Как можно любить тварь, в которой и человеческого-то ничего не осталось? Как можно любить того, на чьей совести сотни, если не тысячи трупов?!!!

Я негодовал. А она всё также сидела и улыбалась, непоколебимая, как скала.

– Любовь зла.

– Это не ответ!

– Сердцу не прикажешь!

– Это тоже!

– Вам не понять.

– Мне?

Я остановился, как вкопанный, словно наткнулся на бетонную стену. Я сел обратно, взял чашку, сделал глоток и, отставив её, вновь заговорил. Мне постоянно приходилось сдерживать себя, чтобы не раскричаться.

– Вы хоть понимаете, что натворил он и такие, как он?

– Прекрасно понимаю.

– А мне кажется, что Вы совсем не понимаете!

– Ошибаетесь.

– Но как же так? Как Вы можете принимать ласки от рук, пропитанных кровью? Вы не боитесь замазаться?

Она улыбнулась. Но на этот раз как будто с ехидцей.

– Нет, – ответила она, – не боюсь.

– И Вам не жалко всех тех погибших людей? А сколько среди них было ни в чём не повинных детей? А сколько родственников у них осталось, на всю жизнь обречённых нести с собою этот тяжкий груз потерь?

– Жалко.

Если честно, я вздохнул с облегчением. По крайней мере, кроме любви к чудовищу, у неё было всё нормально. Благодаря одноимённому мультику я вспомнил, что красавиц иногда тянет на чудовищ. Может это что-то психическое?

– Жалко, – повторила она. – Вы даже не представляете

себе, насколько мне всех их жалко, насколько я понимаю оставшихся в живых, но потерявших своих близких. Каждая новая жертва отзывается во мне болью. Она словно кричит мне, молит о помощи...

Во мне зажглась слабая искорка надежды. Раз это всё так её гнетёт, то, может, ей нужен всего лишь толчок, чтобы она отказалась от этой несуразной любви. Но для начала я решил набрать ещё материала для репортажа.

– А есть во всём этом смысл? – напрямую спросил я.

– В чём? – не поняла она.

– Ну, вот во всех этих смертях, в отнятии радости у родных и близких? Мне интересно: ради чего всё это делается? Ради каких таких великих целей гибнет столько народу? Причём, как с одной, так и с другой стороны? Ну, с капиталистами всё ясно: им новые рынки сбыта подавай, да нефтяные скважины! А тут-то что?

Господи, как она улыбалась, слушая всю эту тираду! Я даже готов был забыть обо всём на свете, только бы всегда она была рядом со мной и могла бы вот так улыбаться... хотя бы изредка.

– Я не знаю, – тихо сказала она, – может быть у него и есть какие-нибудь идеалы, даже наверняка есть, но со мной он ими не делился.

Да, мне больно от всего того, что он делает, но моё чувство к нему гораздо сильнее. Нельзя сказать, что я прощаю ему все эти жизни, нет, я ненавижу его за всё то, чем занимается

он и такие, как он, но всё это меркнет и бледнеет перед силой моей любви.

– Ну что ты заладила: любовь, любовь? Что такое, в конце концов, Твоя любовь?

В запале чувств, захлестнувших меня, я даже не заметил, как с «Вы» перешёл на «ты».

– Моя любовь? – переспросила она, как бы не доверяя услышанному.

– Да, что она представляет собой в конечном результате?

– О, да я вижу, что и не любили Вы никогда по-настоящему.

Я зарделся, а она продолжала: бывает такая любовь, которую ты и не замечаешь сначала. Потом она возрастает, но постепенно, без захлёстов, и становится частью тебя, а ты этого и не осознаёшь. Просто наступает такой момент – обычно он связан с расставаниями – когда ты понимаешь, что без этого человека не протянешь и дня.

Также было и со мной. Сначала мне было всё равно, где он, и что с ним, затем я стала тосковать по нему, а спустя какое-то время поняла: если я расстанусь с ним ещё хоть раз, то просто умру.

– И как же ты обходишься без него сейчас?

Она снова улыбнулась. И во второй раз мне показалось, что в этой улыбке промелькнуло нечто похожее на ехидство. Как будто она про себя потешалась над тем, что знает что-то такое, чего не знаю я.

– Он у меня вот тут...

И она приложила руку к сердцу.

В пору было бы мне насторожиться, потому что весь наш разговор, а не только мои переживания, не соответствовали реальности, но что-то со мной творилось. Что-то непонятное.

Сейчас, спустя много-много лет, мне иногда даже думается, что она одурманила меня чем-то. Может, в чай что подложила, а, может, и курилась у неё какая-нибудь дрянь в соседней комнате, – не знаю. Но я знаю одно: в тот момент я терял из-за неё голову. Я пытался уже любыми путями выбить из её премиленькой головки всю эту дурь про любовь.

– Представь, – сказал я ей, – сколько раз за последние годы он брал заложниц?

– Три. Всего три раза, – ответила она, почти не задумываясь, но потом, словно уловив какую-то светлую мысль, поправилась, – хотя нет, четыре.

– Вы знаете? – Я вновь был ошеломлён, но уже не до такой степени, как поначалу, поэтому быстро взял себя в руки. – Ну, хорошо, четыре. Пускай он всего четыре раза в жизни брал заложников. А ведь среди них наверняка были и заложницы, в числе коих были и невероятно симпатичные. (Среди моих рассуждений она вдруг улыбнулась самой широкой из своих улыбок.) Вы хоть представляете, что он с ними там творил? Как он издевался над ними? Как унижал?

– Конечно, представляю!

Снова немая сцена.

– Он вам что... рас... ну это, как его..., – мне буквально выдавливать слова из глотки приходилось.

– Вы имеете в виду, рассказывал ли он мне об этом?

– Да, именно это я и хотел узнать.

– Нет. Конечно же, нет.

Опять самая очаровательная улыбка. Хотя, должен заметить, что у неё каждая была лучшей. Ни до, ни после неё я не встречал таких женщин.

– Дело в том, что я сама была его заложницей.

– Что-о-о?!!

«Вот так-так, – подумал я, – ни хрена себе репортажик получается».

– Да, да, не удивляйтесь. – Она наполнила мою, уже ставшую пустой, кружку и опять стала плести кружево своей чудесной речи. – Я же сама родом не отсюда, да Вы, наверно, и сами поняли это по моему акценту. Мой теперешний муж много лет назад, когда я была совсем ещё маленькой девочкой, ворвался в наше селение и захватил в заложницы мою мать, чтобы требовать за неё выкуп. Моя мама, к слову сказать, была писаной красавицей, не чета мне, я лишь бледное её отражение.

– Зря ты так. Ты себя недооцениваешь, – успел вставить я.

– Спасибо. Так вот, совсем случайно я оказалась вместе с нею. Нас бы обязательно выкупили, но так случилось, что началась война, хотя вряд ли ты о ней многое знаешь, ведь

тогда подобное не афишировалось. Мой отец и мои братья погибли на ней, а моя мать вскоре после этого умерла от горя.

Я не причиняла неудобств человеку, похитившему меня, поэтому, как только я повзрослела, он взял меня замуж. А после пришла любовь.

Так что зря ты думаешь, что я не знаю какво тем людям. Да, и надо мной издевались, и не раз, но всё это отошло на второй план, когда наступило время чувств.

– Ты сводишь меня с ума, – ни с того ни с сего вдруг выпалил я. Тут стало абсолютно ясно, что ещё чуть-чуть, и я уже не смогу себя сдерживать.

Она улыбнулась, но сделала вид, что не услышала.

– Что Вы сказали? – произнесла она самым простодушным тоном.

– Я говорю, что, может быть, я – сумасшедший, но никак не могу понять тебя.

Я заговорил сразу после того, как в воздухе растворился последний узелок её речевой вязи. Не знаю, как это выглядело на самом деле, но мне почему-то показалось, что после ангельского напева застучал отбойный молоток.

– Что держит тебя в этой дыре?! Брось всё и уезжай!

– Мне не на что.

– Я помогу тебе, – распалялся я, как станковый пулемёт.

– Но я люблю его!

– Брось эти бредни.

– Хорошо, – вдруг неожиданно резко, словно решившись

на что-то отчаянное, проговорила она, – пойдём, я тебе кое-что покажу.

И она, взяв за руку, повлекла меня из кухни куда-то в полумрак. Через несколько секунд мы оказались в спальне, если так можно назвать комнату с грудой подушек, лежащих прямо на полу.

Не поймите меня превратно, но в тот момент я подумал о своём.

– Смотри, – прошептала она мне на ухо и указала куда-то вдалеке комнаты.

Я хотел сказать, что ничего не вижу, но она приложила свой замечательный указательный пальчик к моим губам и прошептала:

– Тихо. Разбудишь.

И только тут я увидел, что недалеко от стены виднеется силуэт ребёнка. По размерам этого тёмного и весьма размытого пятна можно было сказать, что ребёнку лет шесть, от силы – семь.

– Кто это?

– Это мой сын, – она говорила мне в самое ухо, от чего мурашки бежали по спине, – его зовут Артур. Ему шесть с половиной лет, и ему нужен отец.

Ты понимаешь, что он тоже жить не может без отца. Когда его нет, он даже спать спокойно не может.

Тут меня снова кольнуло. Я снова не понял своей интуиции, но сейчас-то я могу сказать: ребёнок спал, как убитый.

Я до сих пор не могу понять, как тогда не обращал на всё это внимания.

– Я стану ему отцом, – прошептал я ей в ответ, не в силах больше сдерживать себя, – и гораздо лучшим. Я не буду держать его в такой развалюхе. У него будет нормальный дом и нормальная семья, где никто никого не будет убивать и не будет унижать. Я буду работать за двоих, заработаю много денег, и мы, все втроём отправимся в Диснейленд.

Мысленно я уже рисовал себе картины, как всё это будет происходить. Но она прервала мои грёзы.

– Тс-с-с... – дунуло мне в ухо, – во-первых, ты никогда не заменишь ему настоящего отца, а, во-вторых, Диснейленд скоро взорвут.

Я стоял, как оплётанный. Все мои хрустальные мечты одним махом были разбиты о бетонную стену жестокой реальности.

А она смотрела на меня... О, что это был за взгляд! Так на меня она смотрела в первый и в последний раз. Почти любовь горела в её угольках, но... Может, мне это только показалось. Ей вроде даже жалко было меня. Или точно также смотрел на людей бог перед тем, как наслать на них потоп.

– Пойдём! – всего одно слово, но стоящее всех слов во вселенной.

Она вывела меня из дома. Солнечный свет ослепил меня. Пронеслась в голове одна из ничего не значащих мыслей, что, мол, в раю приятный полумрак, а в аду всегда светит

солнце. Тогда я ещё не знал, насколько это правда.

Как только мы удалились от спальни, меня прорвало:

– Соглашайся, – шептал я, – может, ты не сможешь полюбить меня, как своего подонка, но я для тебя сделаю всё. Для тебя и для твоего сына! Я разобьюсь в лепёшку! Только согласись быть моей и уехать отсюда!

Она ничего не говорила и всё быстрее увлекала меня вглубь сада. Только один-единственный раз она слегка обернулась, и тогда мне показалось, что солнце отразилось на её лице... в слезинке.

Она плакала? Не знаю. Но когда мы подошли к колодцу, который располагался в добрых двух сотнях шагов от дома, лицо её было вполне обычным. Ну, может, слегка отражалось волнение.

Она решительно взяла и оттянула крышку колодца, после чего сделала жест, предлагающий заглянуть внутрь.

Я повиновался. Внутри было необычайно светло. То, что я там увидел, намертво запечатлелось в моей памяти на всю жизнь.

Там сидел мужчина. Ног у него не было, вместо них культяки, обмотанные кровавыми бинтами. Руки были разведены и цепями крепились к противоположным стенам. Он был жив. Он был в сознании. Несмотря на полное измождение, я узнал его. Это лицо не раз появлялось под фразой: «Федеральный розыск».

Я смотрел, как замороженный, а когда, наконец, смог ото-

рвать взгляд от безумного зрелища и заглянул ей в глаза, то прочитал там: вот мой муж и я не могу оставить его, потому что люблю...

Тогда я развернулся и пошёл прочь из этого сада, от этого проклятого дома, от этой сумасшедшей, которая при солнечном свете совсем не была такой уж привлекательной, к своей машине, взятой мною напрокат в городе, чтобы та увезла меня подальше от увиденного ужаса.

Благодаря этому репортажу я стал известным журналистом, но так никому и не открыл ни названия селения, ни того, как выглядела та женщина. Я сделал это, потому что обещал и ещё потому, что какой-то своей частью понял эту любовь.

Конец

5.09.2004

Откровения Последнего Пророка

*Романтик канет в Лету,
а пессимист – в безмолвие.*

Я не могу спать. Мне кажется, что они ползают по мне, выискивая место, в которое удобнее будет вонзить свой маленький огненный трезубец. Они везде: на ногах, на руках, на теле. Их ужасные физиономии ухмыляются во тьме. Я знаю, кто они такие, и откуда у них эти отвратительные рожки и трезубцы.

Это началось не так давно, когда я шатался по улицам и слушал то, что говорят люди. Праздность, конечно, не самое лучшее состояние, но, видимо, уже тогда я подспудно знал, чего надо ждать.

Ну вот, опять. Я забираюсь под одеяло, а им только этого и надо. Они не могут жить, чтобы не мучить. Но почему меня? Из-за чего же они решились взяться именно за меня?

Я не могу спать.

Каждую секунду я ожидаю удара маленьким трезубцем куда-нибудь в бедро и боли, которая последует за этим ударом. Но они пока что не бьют, а просто ползают по мне, доводя напряжение нервов до предела, как будто хотят свести меня с ума. Иногда мне кажется, что именно так они и мучают своих жертв. Я не спал уже сотни часов и теперь вряд

ли когда-нибудь смогу это сделать.

Однажды я пытался стряхнуть их с себя, но они все куда-то попрятались и мои попытки остались безуспешными. Я представил, как они злорадствуют по этому поводу, как ухмыляются. По всей видимости, им доставляет нездоровую радость вот так издеваться над несчастным человеком.

Я чувствую кожей, как один из них сейчас ползёт вверх по моей ноге. Но если я посмотрю туда, то никого не увижу. Они прячутся.

Но я отвлёкся. Возможно, это единственное, что я смогу написать, так как человек просто не может жить без сна. Возможно, слишком часто буду отвлекаться, потому что моя нервная система напряжена до предела, но, в любом случае, я постараюсь написать о том, что узнал за последний месяц. Если мне не изменяет память, этот месяц назывался октябрём.

* * *

– У нас новый пациент! – крикнула медсестра психиатрической больницы врачу, входящему в двери.

– Ну и что? – спросил он.

– Так-то, конечно, ничего, просто он такую замечательную чушь городит, – смутилась медсестра.

– У нас половина пациентов чушь городят, – ответил ей врач хмурым голосом.

Сегодняшний день у него определённо не заладился: с утра поругался с женой, потом не смог найти галстук, кот нассал в ботинок, а когда он уже вышел из подъезда и думал, что неприятности миновали, то какой-то козёл-води́ла обдал его грязью из лужи, образовавшейся после ночного дождя. Всё было плохо, а тут ещё эта вертихвостка пристала с новым пациентом, чтоб её...

– Но Иван Фёдорович... – начала было медсестра.

– Я уже сорок два года, как Иван Фёдорович, – сорвался на неё врач.

Это было истинной правдой – он уже сорок два года был Иваном Фёдоровичем. Если быть точным, то сорок два года, три месяца и восемнадцать дней.

Иван Фёдорович Актаков большую часть своей жизни отдал психиатрии. Ему казалось, что он может вылечить любого, даже самого тяжёлого больного. Что, к сожалению, являлось иллюзией. Он понял это совсем недавно, когда якобы излечившийся пациент ни с того ни с сего убил всю свою семью, включая маленькую собачку и хомячка. Он потом оправдывался, что видел всяческих демонов, но на самом деле...

На самом деле Иван Фёдорович всегда подозревал, что большинство его пациентов неизлечимы. Вот и ещё один бедняга свихнулся. Может, так проще жить?

– Я просто хотела сказать, что Вам надо заполнить необходимые документы, – похолодевшим тоном сказала медсест-

ра.

Их можно было сопоставлять и противопоставлять друг другу. Актаков – высокий брюнет с прямыми волосами. С возрастом у него наметилось брюшко, но в целом он держал себя в форме. Карие глаза бросали на всё острый и цепкий взгляд, и казалось, что ничто не могло ускользнуть от него. Медсестра была невысокой блондинкой, склонной к полноте, но сидящей на различных диетах, а потому державшую форму. У неё были выющиеся волосы и пронзительно голубые глаза. Актаков подозревал, что ей уже за тридцать, но на вид можно было дать не более двадцати пяти. Медсестру звали Леной.

– Какие ещё документы? – воскликнул Актаков, желая только одного – избавиться от грязного светлого плаща, который он имел неосторожность надеть в такую сырую погоду.

– Документы на приём больного, – ответила Лена, а точнее Елена Павловна, сохраняя в голосе всё те же ледяные нотки обиды, отдававшие металлом.

Ей нравился этот недотёпа-врач, но временами он становился невыносимым, на корню убивая все положительные эмоции по отношению к себе.

– А что, других врачей нет? – возмутился Актаков. – У меня и так отделение забито!

Иван Фёдорович обвёл глазами коридор больницы, в которой провёл больше двадцати лет. Стены окрашены в мягкие пастельные тона, но желание выматериться как следует,

всё равно возникало довольно-таки часто.

– А что Вы на меня-то орёте? – удивилась медсестра. – Я здесь не распоряжаюсь! Мне велено передать, чтобы Вы оформили документы!

«Да, вид у него жалкий, – подумала Лена, – но это не даёт ему права так орать».

– Ну, хорошо, хорошо, – Актаков поморщился при мысли, что ему придётся выслушивать новую бредовую историю, но работа – есть работа, и здесь ничего не попишешь. – Давай сюда документы.

– Так бы сразу, – голос медсестры потеплел.

* * *

Иван Фёдорович сидел в своей маленькой комнатёнке, которую и кабинетом-то назвать нельзя, так – каморка, и читал дело вновь прибывшего пациента.

Тот, на первый взгляд, представлял собой нормального среднестатистического человека, каких миллионы: на учёте в милиции не состоял, выпивал только изредка, достаточно молод – двадцать семь лет, холост, детей нет, но в конечном итоге свихнулся. На самом деле так оно и бывает: именно незаметные, «серые» люди, в конце концов, оказываются на больничных койках в специализированных клиниках.

История болезни – отсутствует. Иногда и такое встречается, ведь не все же идут к сумасшествию месяцами и годами;

некоторые – раз, – и теряют разум. Тогда их привозят сюда – в здание с жёлтыми стенами, и ему – врачу – надо составлять историю болезни.

Три слова в углу карточки заставляют Актакова задумать-ся. Они звучат так: «Откровения последнего пророка». Это к чему? Наверное, решает Актаков, это мания, которой одержим пациент.

Как бы там ни было, ему самому надо встретиться с вновь прибывшим и поговорить с ним. Ещё одна пометка заставляет поёжиться, хотя в камерке тепло и душно.

– Буйный, – вслух проговорил Актаков.

Если уж на то пошло, то все мы немного буйные. Но ведь у всего есть причина. Теперь он не лелеял ложных надежд вылечить абсолютно всех, но, по крайней мере, из буйного можно сделать спокойного, даже очень спокойного. Этому-то он за долгие годы своей практики научился.

Но для того, чтобы поговорить с больным, особенно с «буйным», неплохо было бы и самому успокоиться. Он закурил. Спокойствие, подобно дыму, проникало через альвеолы его лёгких прямо в кровь, а затем разливалось по телу.

Имя пациента Николай. Коля. Николай Вениаминович Безгалов. Официоз в тонкой работе врачевателя души ни к чему, поэтому пусть будет просто Коля, так как-то теплее.

Всем нужна теплота. Нужно, чтобы человек не чувствовал себя одиноким, хотя... (Опять вспомнился этот козёл-водитель, который, кроме своей тачки, ничего вокруг не видел)

иногда хотелось побыть одному. Чтобы никто не трогал.

Вот ведь как интересно: некоторые сходят с ума от одиночества, а другие, наоборот, от обилия внимания. Впрочем, психиатрия до сих пор так и не смогла ответить, от чего же люди теряют разум; в чём, так сказать, первопричина этого явления.

Кофе, дымящийся в кружке, на вкус напоминал жжёный ячмень. Складывалось впечатление, что в последнее время его совсем разучились делать. Ну, чем не повод сойти с ума?

Актаков приложился губами к тёплому краю бокала и вдохнул запах этого дрянного кофе, в борьбе за который люди в рекламе переворачивали ларьки и оскорбляли начальство.

Реклама... Да, очень и очень многие в последнее время «задвигались» именно на ней, но к данному пациенту, судя по всему, она не имела ни малейшего отношения. «Откровения последнего пророка», – вот что было написано на карточке, и эти три слова были вероятно связаны с психическим заболеванием.

Актаков закурил. Вот уже восемь лет он пытался бороться с этой пагубной привычкой, но всё впустую. Курение – яд, но без него нельзя оставаться спокойным в любых ситуациях и делать вид, будто ничего не произошло.

Снова вспомнилось утро. Это хмурое утро вторника, который был ничуть не легче понедельника, а в некотором смысле даже тяжелее. По крайней мере, начинался день по-

адски. Он взглянул на небо, ища справедливости, но увидел там лишь серость, расколотую от горизонта до горизонта ещё большей серостью. День не предвещал ничего хорошего – и вот те нате – очередной больной.

Иван Фёдорович стряхнул пепел в хрустальную пепельницу – всё, что у него осталось от отца – и попытался вспомнить какой-нибудь весёлый мотивчик, но на ум ничего не приходило.

На часах без десяти десять, и это означало, что пора заканчивать перекуры и идти к пациентам. В первую очередь к этому Коле.

Откровения последнего пророка.

– Гм, – вслух хмыкнул Актаков, – посмотрим, чтобы это значило.

Начало дня не предвещало ничего хорошего, и поэтому надо смириться с тем, что, возможно, «буйный» и впрямь окажется буйным, тогда придётся тяжелее, ну да ничего.

Только это утреннее расколотое небо... Казалось, в самом воздухе что-то витает... Грядут перемены? Может быть и так, но это не должно отражаться на воздухе или на небе.

Очередную партию пепла он отправил в пепельницу, окурок – вслед за ней, а сама пепельница перекучевала в ящик стола. Лишних предметов в кабинете быть не должно. Что ж пора приступать к работе.

Иван Фёдорович встал, взял карточки своих пациентов, положив наверх карточку новенького, и вышел из кабинета,

заперев его.

* * *

Итак, этой осенью у меня был вполне нормальный сон, и я жил, как все нормальные люди. В сентябре я даже и не помышлял, что может случиться что-то из ряда вон выходящее...

Есть! Одного я прибил, теперь хоть смогу рассмотреть их как следует! Извините, что отвлёкся, но это оказался обычный таракан. У него не было даже трезубца, только усы.

Так вот, в начале сентября я потерял работу. Я работал на обычном заводе обычным кассиром, но кто-то решил, что я работаю на его месте, и меня подставили. Впрочем, речь сейчас не об этом. Я лишился заработка и встал на биржу труда. Нельзя сказать, что мне приходилось жить впроголодь, — кое-что мне осталось от родителей, земля им пухом, но позволить себе не работать я тоже не мог.

Однако я не усердствовал в поисках работы и очень радовался тому, что у меня, наконец, появилось свободное время, которое я с лёгким сердцем могу потратить на то, чтобы пошарахаться по улицам своего любимого города.

И вот тогда я встретил Его. Это случилось в первых числах октября. Глубокой ночью я шёл по улице и увидел бомжа, роющегося в помойке. Каким-то образом я сразу понял, что это не бомж, а Он.

Я подошёл и поинтересовался, чем могу помочь, а Он мне ответил: «Как мне нужна пища телесная, так тебе нужна пища духовная». Я не стал вдаваться в подробности этой фразы, но понял, что он хочет есть, поэтому отвёл Его к себе домой и накормил.

Поев, Он сказал мне: «Ты будешь вознаграждён!» – и исчез. Просто растворился в воздухе. С тех самых пор меня и мучают эти адовы создания.

Если вам кажется, что я думаю, это и есть вознаграждение, то ошибаетесь. Я прекрасно осознаю, кто Он, и кто эти мелкие демоны-пакостники, которые, тем не менее, могут угробить человека.

Попробую объяснить более внятно: человечество дошло до критической точки. После встречи с Ним я больше не мог спать, и взялся за чтение Библии. Там всё объяснено, как и во всех священных книгах мира; надо только уметь прочесть. Да, человечество дошло до того момента, когда перед ним осталось всего два пути: либо Путь Мрака, либо Путь Тёрна. Необходимо свернуть на второй, хотя он труден и колюч, а Путь Мрака означает неминуемую гибель.

Должен появиться Пророк. Последний Пророк, который укажет человечеству на то, какой перед ним сейчас стоит выбор, и что нужно сделать, чтобы спастись. Я точно знаю, что он должен объявиться в самое ближайшее время. И будет большим человеком, чтобы его услышали, иначе – крах. Этот пророк должен быть, как Будда, чтобы к его словам

прислушались и короли, и нищие, и здоровые, и душевнобольные; одним словом – все.

Я знаю, что тот, кто приходил ко мне, не был тем, о ком я говорю. Я понимал так: что моё вознаграждение будет заключаться в том, что я услышу этого Последнего Пророка, о котором говорится и в Библии.

С тех пор я стал его искать. Дни и ночи напролёт я бродил по улицам, всматриваясь то в толпу, то в темноту, и надеялся, что вот-вот увижу Последнего Пророка и услышу его откровения.

Иногда по ночам мне казалось, что я уже совсем близко, но он ускользал от меня, как песок, текущий сквозь пальцы.

Я смотрел на звезды, и мои глаза начинали слезиться. Нет, во мне не было гнева, мне было очень грустно оттого, что я никак не мог найти Последнего Пророка, который поведал бы мне и всем остальным о том, что же нам надо сделать. Я смотрел на звёзды и вопрошал, где же тот человек, тот святой, который поведёт нас дальше. Но ответа я не услышал.

Нет, звёздам не безразлично, что с нами станет, просто их голоса теряются в бездонном мраке космоса, и они не в силах нам помочь. Быть может, они тоже плачут, когда не могут увидеть нас сквозь серую пелену, иной раз окутывающую Землю.

Да, им не всё равно, как не всё равно тем, кто ползает по мне, имея в своих рогатых головёнках одну-единственную цель – причинить мне мучительную боль.

Но у этих другие мотивы. Им не всё равно потому, что им не хочется терять то, что они уже считают своим, – аппетитные, свежие и мягкие человеческие души. Я догадываюсь, почему именно меня они избрали целью своих издевательств – ведь если я найду Последнего Пророка, то обязательно сделаю так – насколько это возможно, конечно, – чтобы он смог рассказать людям всё, что знает, ведь не исключено, что он может родиться обычным человеком, правда, тогда это серьёзно всё усложнит. Ну, кто в наше время будет прислушиваться к обычному человеку? Почти никто!

Поначалу я думал, что мне кажется, но потом я понял, что эти твари с трезубцами действительно существуют, более того, они пытаются свести меня с ума и тем убить.

Я знаю, что мне недолго осталось топтать эту бrenную землю, но до того, как умру, я хотел бы послушать, о чём будет говорить Последний Пророк. Может статься, что через него я обрету своё спасение.

А вдруг я просто недостоин его, и поэтому не могу найти этого человека? Но нет, Тот, Кто был у меня, обещал мне вознаграждение, а что может быть лучше Живого Слова?

И вот я вновь на улице своего любимого, но несчастного города. Вокруг сгустился сумрак ночи, который, кажется, так и шепчет, что где-то рядом совершается великая тайна, равной которой нет нигде на свете.

Сколько километров исхожено за последние дни и ночи, слившиеся в единый отрезок времени, так как нет сна и нет

отдыха? Сколько прошло с того момента, когда я привёл Его к себе, и Он пообещал мне награду?

Я снова возвращаюсь домой, и опять минуты становятся похожими на часы, а ожидание длится вечно. Может быть, это и к лучшему? Ведь любая минута может стать последней, как в моей жизни, так и в жизни всего человечества.

Они вернулись. Я знаю, что у них на уме только одно – причинить мне боль, но по какой-то причине они не делают этого. Я смертельно устал и хочу спать, но не могу, потому что знаю – стоит мне сомкнуть веки, и они вонзят в меня все свои пламенные трезубцы, которыми так кичатся.

Однако самую сильную боль мне причиняет бесплодность всех моих поисков. Каждую секунду я ожидаю, что встречу Последнего Пророка, и каждую секунду разочаровываюсь, потому что этого не происходит.

Раньше я жил, как рыба в воде, но теперь словно оказался вне водоёма. Я не забивал голову ерундой и не придумывал себе заморочки, я стремился вернуться в привычную среду обитания.

Однажды, когда я совершал свои прогулки-поиски, и светило яркое солнышко, мне показалось, что я нашёл того, кого искал.

* * *

Новичок по имени Коля был определён в третью палату.

Окинув его беглым взглядом, Актаков решил, что пациент не производит впечатления буйного больного. Он спокойно лежал (хотя попробуй, полежи не спокойно, когда руки и ноги привязаны к кровати) и смотрел прямо перед собой, словно находился в кататоническом ступоре.

Небо было таким же, каким Иван Фёдорович оставил его на улице – серым и безжизненным, поэтому, несмотря на большие окна, в палате царил мягкий полумрак. Врач отметил чёрные круги под глазами, выдававшие крайнюю усталость пациента.

– Как Вы себя чувствуете, Коля? – мягким и заботливым голосом спросил Актаков.

Больной моргнул. Создалось впечатление, будто он возвращается из невероятно долгого, но интересного, а, может быть, и страшного путешествия. Он моргнул ещё раз, и теперь взгляд его стал более осмысленным.

– Коля, у Вас всё в порядке? – Иван Фёдорович профессиональным взглядом следил за новеньким, и заметил, что у того меняется цвет глаз. Врач готов был всё списать на скудное освещение палаты. В такое время свет в них выключали. Когда он только вошёл внутрь, то роговица больного была тускло-серого цвета, но теперь эти глаза озарились голубым сиянием и затягивали в себя.

– Да, – ответил пациент.

– А Вы не... – Актаков запнулся на полуфразе.

– Ну, разве что туговато, – и Коля показал глазами на

ткань, опутывающую его, словно паутина муху. – Можно ослабить?

– А Вы будете спокойно себя вести? – спросил Актаков. Пациент сразу чем-то приглянулся врачу. Такое случается редко, так как пациенты, в основном, народ дикий и не спокойный, а этот... Он сразу внушал доверие к себе.

– Да. Я буду вести себя так, чтобы не скомпрометировать ни себя, ни Вас.

– Меня зовут Иваном Фёдоровичем. Я попробую помочь Вам, Коля.

Через несколько минут пациента освободили от пут, и он принялся растирать затёкшие запястья. К радости Ивана Фёдоровича пациент не противился тому, чтобы его называли Колей.

В голову Актакова начали приходиться разные вопросы. Например, почему этого человека поместили в психушку? Что с ним случилось? И не отпустить ли его сейчас? Он уже не замечал ничего необычного в глазах своего пациента, хотя те с каждой минутой сияли всё ярче и ярче. Это было приятно. Мягкий голубой свет отбрасывал такие замечательные тени на стены... Только чёрные круги под глазами стали ещё более очевидны.

Иван Фёдорович понял, что не только доверяет этому человеку, но за пятнадцать минут уже успел привязаться к нему, как к родному. Да, между ними определённо установилась связь, но это ещё не всё. Непостижимым образом но-

венький через свои глаза вливал энергию в Актакова, заставляя того забыть обо всех перипетиях: о грязном плаще, о козле-водителе, о засышке-коте и прочих неприятностях. Там, где недавно были помои, расцветали чудной красоты цветы.

– Спасибо, Иван Фёдорович, – произнёс Коля, когда с путями было покончено, при этом его тон выражал такую глубокую благодарность, что Актакову стало немного не по себе.

– Что Вас беспокоит, Коля? – спросил он.

– Меня беспокоит то, – ответил вновь прибывший, – что ещё чуть-чуть и человечество повернёт не туда. Меня беспокоит, что оно сделает неправильный выбор, и никого не будет рядом, чтобы указать верный путь.

Внезапно Актаков почувствовал нечто похожее на раздвоение личности. Одна его половина понимала Колины слова и была полностью согласна с ними. Она кивала головой в знак согласия. Другая – тоже кивала, но не понимала, о чём идёт речь, да и понимать не хотела, потому что для неё это всё являлось диким безумием.

Актаков сдержался от того, чтобы выплеснуть свои эмоции наружу, хотя был уверен в том, что его собеседник знает обо всём. Он продолжил расспросы, не заметив, как перешёл на «ты»:

– Как получилось, что ты теперь находишься здесь? И почему у тебя такой уставший вид?

– Я здесь потому, что есть силы, которые не могут позволить мне находиться среди людей. Эти силы боятся, что я не допущу бесцельную гибель душ. Они сделали так, чтобы я был изолирован от общества. А уставший я потому, что на мне лежит непомерный груз, который я, возможно, не в силах буду донести до места назначения, – он замолчал, а потом вдруг резко сменил тему. – А Вы, Иван Фёдорович, что-нибудь знаете о том, что Вас ждёт в будущем?

– Нет, – ответил Актаков.

Воцарилась тишина, и он понял, что Коля не собирается рассказывать ему о его будущем. Однако эти глаза... Можно подумать, помотришь в них, и всё твоё будущее, как на ладони.

– Ты хочешь уйти? – спросил врач.

– При всём своём желании я не смогу этого сделать, потому что те – другие – также отчасти контролируют меня.

– Тогда расскажи мне всё, – не своим голосом прошептал Актаков. – Я должен знать всё, чтобы донести до миллиардов ушей.

* * *

Да, мне показалось, что я нашёл Последнего Пророка. Светлый силуэт возвышался среди толпы и пытался что-то рассказать людям. Но они не слушали его, более того, они его просто не слышали. Как будто все разом оглохли или вста-

вили затычки в свои многогрешные уши.

Потом этот светлый повернулся ко мне спиной, и я понял, что он не тот, кого я повсюду разыскиваю, потому что у этого за спиной были сложены два крыла. Я не почувствовал разочарования или отчаяния – как-никак, а передо мной вестник Господень – Ангел, – но всё же я ощутил некоторую пустоту.

В какой-то момент я убедил себя, что если встречу Последнего Пророка, то в тот же момент исчезнут эти ползающие с трезубцами, и я смогу спокойно уснуть. Нельзя точно сказать, что именно заставляло меня каждый раз отправляться в поиски: то ли жажда научиться праведности, то ли мечта об успокоении и забытьи.

Я взирал на одинокого и беспомощного Ангела, и в моей душе появилась неизгладимая печаль. Вот он хочет рассказать о чём-то прекрасном и, несомненно, нужном, но его не видят, не слышат, не замечают. Во вселенной этих людей он ничто, а они ещё удивляются тому, что не могут познать Бога и всех тайн Вселенной. Да они же не хотят ничего познавать! Они же не видят ничего, кроме своего, и никого, кроме себя! Вся их добродетель сводится к тому, чтобы не видеть, не слышать, не замечать.

Вот взять бы эту толпу, да открыть им глаза на Ангела... Но тогда они посчитают, что это всего лишь плод их воображения, или же игра света и теней! Они скорее сошлются на массовую галлюцинацию, чем поверят, что видели Ангела Господня! Так легче. Не замечать – значит не брать на себя

ответственность, а вся их вера – сплошное лицемерие!

Вы можете сказать, что я не имею права этого утверждать, но я имею. Во время своих прогулок я частенько захожу в различные церкви. Я надеюсь, что хоть там Последний Пророк найдёт своих слушателей, но потом убеждаюсь, что церковь и на пушечный выстрел не подпустит к себе тех, кто жжёт сердца и души людей Глаголом Господним. Большинство из тех, кто слепо и глухо шёл тогда мимо Ангела, встречались мне в церквях, и там они вроде бы искренне молились и благоговейно смотрели на изображение этого самого Ангела. И вот он к ним спустился, и что?

Я почти физически чувствовал ту боль, которую люди причиняли Ангелу своей слепотой. Он стонал, будто они резали его лезвиями или бросали в него камни, и готов был разрыдаться оттого, что ничего – абсолютно ничего – не может сделать, а ведь он лишь хотел напомнить, что надо готовиться, потому что Час Ответа уже близок. Он ближе, чем можно себе предположить.

Наверное, такую же боль испытывают и звёзды, и днём, когда их не видно, они тихонько плачут по нашим душам. Если бы мы могли спокойно взглянуть на Солнце, то увидели бы и на нём тёмные пятна – слёзы по тем, кто не хочет искать спасения.

Как мы любим забывать обо всём на свете, когда дело касается нас самих! Мы никогда не поступимся временными и видимыми удобствами ради вечного блага для души.

Когда я смотрел на этого несчастного Ангела, то почувствовал, как радуются те – с трезубцами и рожками. Они, как благодостный аромат, вдыхали в себя запах горькой неудачи, исходящий от Ангела. Они пуще прежнего принялись ползать по мне. В тот момент я, как никогда, испугался, что меня сейчас проткнут трезубцами. Но они этого не сделали; только активно упивались своей небольшой победой. Хотя, вполне возможно, что это была очень и очень крупная победа, ведь люди окончательно отвернулись от Того, Кто их создал.

Я пошёл сквозь толпу к возвышению, на котором стоял Ангел. Я подошёл к нему вплотную и долго взирал на то, как его прекрасные крылья трепещут в такт рыданиям. Он стоял ко мне спиной и потому не замечал, что кто-то всё-таки увидел его. Мне показалось чрезвычайно важным то, что он может рассказать. Пускай он не Последний Пророк, но, в любом случае, он может помочь.

– Ангел, – позвал его я.

Крылья перестали трепетать, и, казалось, он не мог поверить, что кто-то, наконец, услышал его. Он обернулся ко мне, и некоторое время внимательно рассматривал мою скромную персону. В этот момент нам не требовались слова, мы и так поняли друг друга. А потом он сказал:

– Я расскажу тебе всё.

– Я расскажу Вам всё,— согласился Коля, и Актаков приготовился услышать то, для чего, возможно, и родился.

– Я весь внимание, – сказал он.

– Сначала был Вестник, – начал Коля. – Он пришёл для того, чтобы рассказать людям о грядущем...

На миг Актакову показалось, что сияние Колиных глаз усилилось, когда он заговорил о Вестнике, но, в то же время, в них промелькнула неизречённая грусть, будто Коле было больно вспоминать (или выдумывать!) об этом.

– ...о том, что надо делать, чтобы прийти в конце своего пути к Богу. Он спустился на землю в надежде на то, что его послушают, но... его не увидели, не услышали, не заметили... У Вестника была одна миссия. Он должен был найти такого человека, который смог бы докричаться до людей. Он должен был найти Глаголющего, который пророчествовал бы до Последнего Дня. И он нашёл его... Я слышал Последнего Пророка...

Коля на мгновение замолчал, словно подыскивая нужные слова. Это мгновение показалось Ивану Фёдоровичу неизмеримо долгим.

Свет глаз его собеседника померк. Так бывает с теми людьми, которые очень глубоко уходят в своё подсознание. Актакову показалось, что в то же мгновение нарушилась

связь, которая пролегла было между ними. Начала набирать силу та половина, которая хотела отринуть бредни о Последнем Пророке. Она кричала, что это очень заразный случай и болезнь передаётся от больного ко всем, кто с ним контактирует. Коля тем временем вёл борьбу с самим собой. Белые крылья души тянули его вверх, а камень, привязанный к шее, – вниз.

Наконец пациент заговорил, но на этот раз по-другому, не своим голосом и очень-очень быстро, словно боялся, что не успеет сказать всё.

– Первый этап, – говорил он, – это, говоря на нашем языке, всевозможные природные катаклизмы. Это наводнения, землетрясения, пожары, войны, эпидемии и т.д. Первый этап практически завершён. Бог пытался предупредить род людской, но Его уже никто не слушал, потому что Его превратили в догмы и запихнули в книги. Слово перестало быть Живым для людей, и поэтому они отошли от истинной веры.

Тогда был послан Вестник. Он нашёл Глаголющего и возложил на него миссию Последнего Пророка. Я слышал его.

Вестник ушёл, а Глаголющий умрёт перед вторым этапом. Когда тот наступит, уже ничто не спасёт человечество. Глаголющий умрёт, понимаете?

Коля заплакал. В Актакове начала подниматься ярость. Да кто он такой, этот человек, чтобы угрожать ему и всему человечеству?

Внутри Ивана Фёдоровича происходила борьба не на

жизнь, а на смерть. Пока и та сторона, что внимала Колиным словам и была готова идти хоть на край света, лишь бы спастись, и та, что отрицала всю эту ересь, были равными по силе, поэтому он взглянул на своего собеседника в поисках истины.

Его глаза... Может быть, показалось? Сияние Колиных глаз пошло на убыль. Того явно что-то терзало изнутри, но что? В голубой лазури, такой мягкой и чистой, появились красноватые прожилки, намекающие на угрозу, желающие испепелить.

– Говори же! – взмолился Актаков.

– Если Глаголющий не будет услышан, – продолжал Коля, – а Слово не станет снова Словом Живым в умах людей, то тогда наступит второй этап. Он будет кратким, но действенным. Случится затмение. О, нет, не Луна скроет Солнце от наших глаз, но закроется Око Господне и станет темно, как в желудке у дьявола. Даже звёзд видно не будет, только... две кометы рассекут небо крестообразно, и это будет Знак...

Коля снова замолчал. Каждое последующее слово давалось ему тяжелее предыдущего, и казалось, что вскоре он будет способен издавать лишь нечленораздельные звуки. Раздвоение личности – это ещё не беда, а вот когда эти личности начинают вести борьбу между собой... Но внутри Коли заключалось не две, а как минимум три личности.

Актаков мысленно ухватился за воспоминания о сегодняшнем неудачливом и сером утре, и это несколько помо-

гало, хотя всё равно не могло избавить от противостояния, происходящего внутри.

Он знал, что Коля мог бы рассказать намного больше того, что он уже сказал, но кто-то или что-то не позволяет ему этого сделать, иначе будет разрушен тот мир и тот порядок, к которому они привыкли. Актаков уже ощущал себя на месте Коли и всей той половиной, которая воспринимала голубое сияние его глаз, восторгался им, сочувствовал ему и поражался, как же тот смог всё это вынести.

За доли секунды произошли странные перемены во всём. Палата как будто наполнилась чем-то материальным, и шторма сменяли штили, а потом всё шло по новой. Коля и Актаков превратились в марионеток, исполняющих чужую волю.

– И после этого наступит третий этап, – Коля уже не говорил, а кричал, словно пытался перекричать завывания обезумевшей толпы, противостоящей ему. Красные прожилки в его глазах утолщались и увеличивались в размерах. – Это будет заключительный этап перед приходом Господа Бога нашего на землю многострадальную! Все живущие проклянут тот день, когда пошли по пути греха, и дьявола проклянут тоже. Только пройдёт уже время раскаяний, и каждый будет в ответе за все свои поступки! Они будут рыдать, но это – пустяк в сравнении с тем, как рыдал Отец наш, видя, что мы тут творим!

Они узнают, что не существует никакого дьявола, кроме

того, который прячется в каждом человеке. Они будут оправдываться, но не смогут оправдаться, потому что им в укор поставят тело Глаголющего, которого они убьют, и вынесут на всеобщее обозрение и осмеяние. Так закончится эра человечества.

– Неужели у нас нет никаких шансов? – спросил подавленный Иван Фёдорович.

– Боюсь, что так. Если и есть ещё возможность повернуть на тернистый путь раскаяния и спасения, то это надо делать немедленно, иначе будет слишком поздно. Вы знаете, Иван Фёдорович, мне кажется, что предпринимать что-либо уже бесполезно. Я слышал Глаголющего и боюсь, что он уже умер.

– Этого не может быть! Где он?! Кто он?! Как его зовут?! – Актаков лихорадочно принялся соображать, но ничего не получалось, так как оставалась ещё та часть, которая требовала немедленно поставить диагноз этому человеку, прописать лекарства и оставить в покое.

– Я не знаю, – ответил Коля.

– Но ты же говорил... – Актаков запнулся, подбирая слова, а потом продолжил. – Но ты же говорил, что видел и слышал его! Ты же не хочешь обмануть меня?! Где он?!

– Я не обманываю Вас, – сказал Коля, перейдя на полушёпот. – Я его слышал, когда не слышали остальные, я видел его, но только здесь, – при этом он приложил руку к своей голове.

Внезапно связь, державшая Колю и Актакова в едином потоке, оборвалась. Актакова обуяла слепая ярость, и он понял, что до сих пор его просто-напросто водили за нос. Но он был врачом-психиатром, а потому умел держать себя в руках.

Он хотел задать Коле очень важный вопрос, с которого, по большому счёту, и надо было начинать, но он не находил в себе моральных сил сделать это. Он понимал, что если сейчас откроет рот, то обрушится на несчастного безумца всей своей «тяжёлой артиллерией», и тогда уж тому несдобровать. Но он не мог сделать этого. Душа и сердце восставали против.

В это же время с Колей происходили странные вещи. Он весь скукожился и перестал понимать, что происходит вокруг, а, может быть, потерял интерес ко всему происходящему. Его глаза, начавшие было тускнеть, разгорелись с новой силой, но не приятным голубым, а устрашающим багрово-красным светом.

Это было уже что-то из области мистики и фантастики, и Актаков попытался сосредоточиться на чём-то более реальном, чем эти глаза.

За окном палаты было всё то же расколотое серое небо, которое никому не предвещало ничего хорошего. Несмотря на это, оно немного помогло Ивану Фёдоровичу прийти в себя и взглянуть на всё с другой точки зрения. Что ни говори, но этот человек – сумасшедший. Более того, болезнь его

очень заразна. И не зря его положили на вязки, возможно, он владеет гипнозом. Чуть, которую он несёт, может быть, и замечательная, но, тем не менее, несусветная и ничего не значащая. Ему необходимо назначить курс лечения, избавляющий от навязчивых идей...

Размышления врача прервал полустон-полувсхлип, который издал больной. Коля уже полностью перевоплотился и теперь соответствовал пометке «буйный», поставленной на его карточке. Глаза пациента походили на налитые кровью искры, готовые испепелить всё, что попадёт под их взор.

– Коля? – вопросительная интонация выдавала скорее непонимание ситуации, нежели страх, зародившийся в душе у Актакова.

– Да? – таким голосом можно было бы поинтересоваться, не хочет ли человек продать свою душу за двадцать – тридцать серебряников.

И снова глаза Актакова и глаза Коли встретились, и снова между ними возникла сверхъестественная связь, но если раньше эта связь была между теми их половинами, которые были готовы к взаимопониманию и состраданию, то теперь она связывала самые тёмные, глухие и грязные закоулки двух потерянных душ. Это было похоже на магию. Магию, от которой не стоит ожидать ничего хорошего.

«Вот мы и встретились. Кто бы мог предположить, что пройдёт всего пара тысяч лет».

«Ты абсолютно прав. Тогда я тоже был пророком, и во мне

тоже происходила борьба, но ты помог мне. Именно мне, а не Пророку».

Оба усмехнулись. Словно встретились два старинных приятеля, уже наученные опытом, как помогать друг другу. Они снова были вместе.

Но противоречие на этом не закончилось. Внутри Актакова что-то зашевелилось, и подавленная часть попыталась освободиться и вылезти наружу. Поддавшись внезапному порыву, Иван Фёдорович спросил:

– Коля, а как Вы сюда попали?

* * *

Я внимательно выслушал Ангела. Каждое его слово ложилось, как бальзам на рану, и я уже начал тешить себя надеждой, что все мои мучения закончены, но не тут-то было.

Он рассказал мне обо всём: о том, что было, о том, что есть, о том, что грядёт. О многом я уже и сам догадывался, но не был уверен наверняка, а тут всё ясно и понятно. Я, в свою очередь, спросил Ангела только о двух вещах: первая – где мне найти Последнего Пророка, а вторая – как мне избавиться от этих, с трезубцами.

«Это едино, – ответил он мне. – Одно от другого неотделимо, и, к сожалению, друг мой, тебе не суждено от них избавиться, так как ты до конца своих дней обречен искать Последнего Пророка».

Я долго думал над этими словами, но всё никак не мог взять в толк: почему? Может быть, я не достоин? Но нет, Ангел говорил также и о том, что я действительно буду вознаграждён, и, в конце концов, всё пойму.

Так я расстался с Ангелом. Он улетел, а я продолжил свои поиски, хотя мог этого и не делать. Просто я не там искал, но понял это слишком поздно, чтобы успеть что-нибудь предпринять. Мне бы тогда уже сообразить, что к чему и искать в ином направлении, но я этого не сделал.

Вместо этого я продолжал шататься по улицам, с каждым часом теряя всё больше и больше сил. Поначалу мне казалось, что я каким-то чудесным образом смог избавиться от этих мелких пакостников, которые меня одолевали, но они лишь собирали силы перед новой атакой, которая, надо сказать, закончилась для них определённым успехом.

Да, ещё я услышал Глаголющего, но для начала расскажу, что предприняли эти мерзкие твари, чтобы не дать мне вмешаться.

Я как раз лежал в своей кровати, надеясь, что хоть на этот раз мне удастся успокоиться и уснуть. В какой-то момент мне показалось, что впервые за много дней у меня получится это сделать. Я не потушил настольную лампу, поскольку уже давно привык к её мирному и тусклому свету. К тому же я стал бояться темноты.

Сначала я не чувствовал никаких неудобств. Эти рогатые твари вроде бы не беспокоили, и я уж было совсем уснул, но

тут они заползали по мне с новой силой. Во второй или в третий раз в жизни мне стало по-настоящему страшно. Возможно, думал я, это как раз самый подходящий момент, чтобы загнать мне под кожу свои трезубцы. Но они просто ползали...

Сначала...

Я хотел откинуть одеяло и дать им настоящий отпор. Надо признаться, что сил у меня на тот момент было только-только, чтобы поднять одеяло. Я как замороженный ждал, что же будет дальше.

Продолжение спектакля не заставило себя долго ждать. Они полезли наружу. Если вы думаете, что таким образом я от них избавился, то вы ошибаетесь. Да, на какой-то момент они оставили моё тело в покое. Они повывлезли наружу, и тут выяснилось, что эти твари могут ещё и летать. Это стало очень неприятным открытием для меня, но, по крайней мере, я хоть смог разглядеть их, как следует.

Они совсем маленькие: размах крыльев не более пары миллиметров, рожки по полмиллиметра в длину, сами по два с половиной – по три, – казалось бы, чего опасаться? Но оказывается, что я это делал не зря. Страх наводили их пламенные трезубцы, которые раскладывались в длину и могли достать до сердца.

Впрочем, я отвлёкся. Они вылетели из-под одеяла и стали виться возле ночника, что твои мотыльки. Эдакие тёмные бабочки с красными полосами и угрожающим оружием. И

без того тусклый свет практически исчез. Их становилось всё больше и больше, пока, наконец, вокруг ночника не сформировался живой абажур.

Наступила темнота.

Я лежал, затаив дыхание, и ждал, что же будет дальше. На мне не осталось ни единого существа, и, вроде бы, я мог спать спокойно, но мне не давал покоя вопрос: что намерены делать эти исчадья ада? Я так и не смог сомкнуть глаз, хотя этим ничуть не помог своему плачевному положению.

Но вот они перестали кружить и начали переформировываться во что-то иное. Они освободили лампочку, и тусклый свет снова упал на моё изнеможённое лицо. Зачем? Зачем им всё это надо?!

Когда я понял, что же они намерены со мной сделать, было уже слишком поздно. Меня прошил электрический озноб при виде того, во что они сформировались.

Трезубец.

Гигантский, тёмный с красными переливами трезубец, нацеленный прямо мне в голову. То, чего я опасался больше всего на свете, теперь оказалось неизбежным, но только в тысячи крат хуже, чем я мог предполагать.

На одну – единственную секунду этот трезубец завис в воздухе, дав моей жизни достаточно времени, чтобы полностью промелькнуть перед глазами. После этого он сдвинулся с места, и мой мозг озарила ярко-красная вспышка, которая, как лангольеры пожирают прошлое, пожирала моё сознание.

Теперь они были внутри меня и могли полностью руководить всеми моими действиями.

Это было очень страшно, но слова Ангела, постоянно звучащие у меня в мозгу, избавляли от соблазна сойти с ума. Хуже всего было то, что я по-прежнему не мог уснуть, потому что эти мерзкие создания продолжали делать вид, что они ползают по мне.

Если голоса, неутомимо звучащие в голове, считать признаком безумия, то я был стопроцентным безумцем. Кроткий голос Ангела в моей голове перемежался с тысячами реплик этих мерзопакостных тварей, которые никак не хотели расставаться со своей властью над людьми и не могли позволить мне встать у них на пути.

Но ко всем этим голосам примешался ещё один. То был голос Последнего Пророка, или Глаголющего, как его называл Ангел, который пророчил и пророчил. Насколько я понимаю, делал он это для одного меня.

Я стал прислушиваться к голосу и к тому, что он изрекал, и начал находить в этом определённое успокоение. О, нет, я так и не смог заснуть, но, по крайней мере, я перестал опасаться, что мною завладеют рогатые создания тьмы с трезубцами.

Они всё же довлели надо мной и мешали, как могли. Иной раз я хотел кому-нибудь рассказать о том, что услышал от Последнего Пророка, но мог только открывать рот, как это делает неразумная рыбёха, оказавшись на берегу, а сказать

ничего не мог. Они не давали мне говорить, иначе люди уже давно обо всём узнали бы. Однако я должен был донести Слово... но как? Я решил, что моя задача заключается в том, чтобы рассказать всё хотя бы одному человеку, который, в свою очередь, поделится этим со всеми остальными.

«Придёт большая беда, – говорил мне Последний Пророк. – Она случится для того, чтобы каждый мог осознать, для чего она, и почему эта беда затронула именно его. Она коснётся всех, и тогда ещё можно будет повернуть на правильный путь и найти спасение. Необходимо только осознать. Уйдёт Вестник, убьют Глаголющего, и вот тогда уже поздно будет что-либо предпринимать. Если это случится, Великая Тьма накроет землю на короткий срок, и явится людям Знамение в виде двух комет, следы которых крестообразно пересекутся в небе. Это будет конец. Знай, что, коли это произойдёт, то холод и голод обрушатся на человечество до самого Судного дня. Все взмолятся о прощении, но грозно будут смотреть на них пустые глазницы Глаголющего, подчёркивая их виновность. Сейчас завершается первый этап – ещё не поздно всем образумиться. Если человечество упустит этот шанс, то муки адовы для него неизбежны, как неизбежна смерть без воды».

Я слушал и слушал, не зная даже, сколько времени провожу за этим занятием. Время стало не столь важным фактором, ведь я в какой-то мере нашёл, что искал. Однако, несмотря на это, я всё ещё продолжал поиски Последнего

Пророка, забыв даже о пламенном трезубце, разъедающем меня изнутри.

Всё шло своим чередом, пока я не обнаружил, что голоса тёмных созданий затихли. Более того, они и сами стали исчезать. Вместо них и на их месте стало формироваться что-то иное, более страшное, чем все эти создания вместе взятые.

* * *

Коля задумчиво разглядывал потолок третьей палаты. Вопрос Актакова встал у него поперёк горла. Такого поворота событий он не ожидал, а потому удар пришёлся в незащищённое место.

Иван Фёдорович не понял природы всех этих событий, и ему претила мысль, что он глубоко ранил своего пациента. Впрочем, он уже давно перестал относиться к Коле, как к пациенту или же, как к больному, но тешил себя мыслью, что это не так. Его уже не удивляли те резкие перемены, произошедшие с новичком за последние десять минут.

Его уже вообще ничего не удивляло, хотя, по идее, должно было, ведь он сам словно погрузился в туман нереальности. Он уже не тянулся к серому и напряжённому утру, а расслаблялся в приливе странного состояния, накатывавшего на него каждый миг всё более мощными волнами.

Наконец, Коля оторвался от созерцания потолка и, в который раз, посмотрел Актакову в глаза. Теперь его взгляд

был изучающим, словно он оценивал предполагаемого противника.

– Я попал сюда из-за них, – сдержанно ответил Коля.

– Из-за кого из-за «них»? – поинтересовался Актаков, стараясь заставить свой голос не дрожать, что у него почти получалось. А вот поджилки так и не успокаивались, и дрожали, что осенние листья на промозглом ветру.

Снова пауза. Актаков знал, что задаёт Коле очень неудобные вопросы, но, в конце концов, ему же надо составить историю болезни, чтобы отчитаться перед главврачом.

«Буйный». Если б он понимал, в какой мере, то вызвал бы быков-санитаров, дабы утихомирили разбушевавшееся чудовище. Но Актаков не понимал и оказался не готов к тому, что стул, на котором он сидел, поднялся в воздух и понёсся к противоположной стене. В то время он продолжал сидеть на этом стуле, почти не успев испугаться.

Страх принёс сокрушительный удар об стену, от которого в голове Актакова что-то хрустнуло.

– Я слышал его! – кричало разгневанное существо, стоящее теперь там, где только что находился тихий и спокойный Коля. – Вестник уйдёт, Глаголющего убьют...

Актаков очень вовремя заметил, что монстр работает не только языком. Сквозь тёмную пелену, застилающую его глаза, он увидел, как тот с неожиданной лёгкостью подхватил кровать, на которой только что лежал, и запустил её во врача.

Иван Фёдорович увернулся. Он так и не понял, как ему это удалось, но не стал терять времени, чтобы радоваться по этому поводу. Он моментально вскочил на ноги и в ужасе кинулся к спасительной двери.

– И будет затмение, – кричало разгневанное исчадье ада, – а после крест огненный, который будет торчать из наших могил!

Актаков ретировался из палаты и держал дверь обоими руками, чтобы не дать Коле выскочить из замкнутого пространства.

– Санитары! – крикнул он, что было сил.

Минут через десять всё было кончено: койка водворена на место, спелёнатый, как младенец, Коля крепко-накрепко к ней привязан.

– Фу-уф-ф, – выдохнул Актаков, вытирая тыльной стороной ладони испарину со лба. – Ну и денёк! Буйный, – он кивнул в сторону палаты.

– Да уж, – согласилась Лена. – Кстати, Иван Фёдорович, он, когда поступил, тоже так...

– Что «тоже»? – поинтересовался врач. – Кричал, что пророк, и всё такое?

– Ну да. Пророк, человечество в опасности, спасение...

– Представляю, – и Актаков пошагал по коридору, направляясь к своему кабинету.

Два различных озарения пришли к нему одновременно. Во-первых, – он понял, что Лена ещё не всё сказала, и по-

вернулся к ней лицом. Второе было гораздо более глубокое и многоплановое. Эта конкретная тема, касающаяся Последнего Пророка, будто бы будила скрытые возможности души.

Между ним и Леной на мгновение установилась связь, как произошло при начале разговора с Колей. Они могли бы понять друг друга без слов, но что-то мешало это сделать.

Лена смотрела на Ивана Фёдоровича широко раскрытыми глазами. Она чувствовала всё то же самое, что и он, а, может, даже и больше, так как раньше познакомилась с Колей. Теперь ей было нужно хоть какое-нибудь подтверждение, что он её понимает.

– Так всё и есть, правда? – проговорила она, заглядывая ему в глаза.

Но за миг до этого Иван Фёдорович стал прежним Актаковым, чуждым всякой возвышенности.

– Параноидальная шизофрения, – вынес он диагноз.

Медсестра почувствовала, что её вопрос, словно натолкнулся на непреодолимое препятствие, коим являлось обычное состояние врача Актакова. Ей нужно было как-то оправдаться. Может, сказать, думала она, что не верит в этот бред; или нечто подобное, но на ум ничего не приходило.

Связь между ней и Актаковым прервалась раньше, чем она испытала шок, поэтому он ничего не заметил, а отвернулся и не спеша удалился к себе в кабинет.

Сидя на стуле у своего рабочего стола, Иван Фёдорович пытался примирить в себе две враждующие стороны. Одна

из них твёрдо уверилась в вынесенном только что диагнозе. Она была сильна и не сомневалась в своей правоте. Другая попискивала тихим мышинным голоском. Она вторила крикам Коли, доносившимся даже сюда, и убеждала Актакова помочь тому спасти человечество, пока не поздно.

«Спаси человечество? Поверить во всю эту ахинею?!» – ухмыльнулась первая половина.

– Э, не-ет, – вслух протянул Актаков, – так дело не пойдёт. Дело и не шло, потому что Иван Фёдорович, как ни старался, так и не смог сосредоточиться ни на чём другом, кроме трёх странных слов: «Откровения Последнего Пророка».

Выхода не было; надо идти к Коле и закончить разговор с ним, иначе он так и не сможет найти себе места. Время шло; одна сигарета приходила на смену другой, так же, как и прежняя, не принося облегчения, заставляя слезиться глаза, а мысли крутились вокруг этого Коли, которого Актаков уже готов был убить.

Наконец, Иван Фёдорович встал, посмотрел ещё раз в окно, словно бросил прощальный взгляд, и вышел вон, на встречу своей судьбе.

В коридоре он встретил медсестру.

– Пойду ещё раз наведаюсь в третью, – сказал он ей мимоходом и, подумав, добавил. – Будь наготове, чтобы, в случае чего, сразу же вызвать санитаров. Поняла?

– Иван Фёдорович, он же страшный, может, не стоит? – спросила Лена.

– Стоит – стоит, – бросил на ходу Актаков, и лишь ускорил шаг.

И раскаялся в этом сразу же после того, как вошёл в палату. Нет, Коля лежал на своём месте и был спелёнат по всем правилам, но жутковатая атмосфера повисла в помещении.

Его глаза... Сколько раз за последние часы он думал о его глазах? Сотни? Тысячи? Может быть, и так. Взгляд этих глаз втягивал его, погружая в тревожную эйфорию. Именно в них... в них сокрыта основная тайна, которую он тщетно силился разгадать на протяжении сегодняшнего дня.

Актаков взглянул в Колины глаза и ужаснулся...

* * *

Да, во мне, в моей голове начало зарождаться что-то совсем иное. Появился ещё один, новый голос, сводящий с ума, и, если бы не было голоса Глаголющего, который пусть и говорил страшные вещи, но зато и успокаивал, то я точно рехнулся бы. Так во мне появились два противоборствующих голоса, которые иногда даже устраивали перебранки между собой, но чаще старались просто не замечать присутствия другого. Они были во мне, они были мной, я был ими.

От этого я не стал лучше спать, я был уверен, что те, с рожками и трезубцами, всё ещё жаждут моей крови. Но, по крайней мере, у меня появилась – а потом и окрепла – надежда, что я ещё некоторое время не умру, иначе бы, зачем

надо было появляться этому второму? Нет, я не тешил себя иллюзиями, что протяну достаточно долго, и осознавал, что обречён, но у меня есть несколько дней для того, чтобы успеть поведать миру слова Последнего Пророка о выборе пути и о том, что может случиться, если человечество останется глухо.

Конечно же, мне мешали. Если раньше я просто не мог раскрыть рта, то теперь голос второго, который я назвал драконьим, просил, умолял, приказывал, чтобы я отказался от своей затеи, и угрожал в противном случае сделать так, чтобы я ещё очень долго мучился. Я ему объяснил, что с радостью так и поступил бы, да вот есть обстоятельство, которое я никогда не смогу преодолеть. Если я откажусь от своих поисков, то не смогу больше находить успокоение, а эти, с трезубцами, меня доконают. Дракон, правда, пообещал мне, что, если я откажусь от поисков, то он отзовёт своих слуг и даст мне жить спокойно.

Это было довольно-таки заманчивое предложение, но, тщательно обдумав его, взвесив все «за» и «против», я был вынужден отказаться, потому что меня совсем не грела мысль проспать несколько ночей, а после этого увидеть Знамение Божье о конце света и гореть в Геенне Огненной.

Дракон был вне себя от ярости, и чуть было не погубил меня. Однако вмешался Последний Пророк, и на некоторое время я ещё остался жить. Это было плюсом, переоценить который невозможно, но был и определённый минус. Он за-

ключался в том, что во мне вполне серьёзно назревало конкретное противоречие. Я склонялся то в одну, то в другую сторону, не имея возможности остановиться где-нибудь посередине и не вмешиваться во всё это.

К тому времени я ещё никому не успел рассказать о том, что слышал от Глаголющего. Поняв, что физически не смогу этого сделать, я прибёг к хитрости. Я взял бумагу и простую шариковую ручку и принялся писать всё то, что Вы сейчас читаете. У меня нет ни малейшей надежды на то, что кто-нибудь увидит этот текст, к тому же я не уверен, что если его и прочитают, то поверят мне на слово. Как бы там ни было, но я решился сделать это, чтобы донести до людей истину.

Поначалу мне было очень тяжело. Я сомневался, получится у меня или нет. Оказалось, Дракон имеет власть и над моим телом. Он делал так, что я не мог связать одно предложение с другим или же все нужные слова просто выскакивали у меня из головы, но постепенно я приспособился и принялся за рукопись.

Дело шло очень медленно, и я выдавливал из себя всего лишь по несколько строчек в день. И вот, настал момент, когда я удовлетворился написанным.

Ну, кого я хотел обмануть?

Если бы я хоть на мгновение задумался о последствиях, то не находился бы сейчас там, где нахожусь. Я трясусь в маленьком фургончике, на котором снаружи нарисован крест. Я ещё не знаю, смогу ли я дописать всё, что собираюсь, но,

по крайней мере, попробую.

Пришёл день, когда я решил, что смогу убедить людей пойти тернистым путём исправления при помощи нескольких обрывков бумаги, которые вполне могли показаться обычным бредом сумасшедшего, а не Откровениями Последнего Пророка, но ведь могло случиться и так, что мне поверили бы.

Ещё раз перечитав всё от начала и до конца, я аккуратно убрал рукопись в портфель и прощальным взглядом окинул свою квартиру. Уже тогда я предчувствовал, что больше никогда не вернусь сюда. Потом я вышел и пошёл вперёд, не оглядываясь, потому как знал, что, если обернусь и посмотрю на свой дом, то мне тяжело будет идти дальше и, скорее всего, я просто не смогу этого сделать.

Первым делом я решил направиться к своим старым знакомым, которых хорошо знал и которым доверял. Нельзя сказать, что они встретили меня с распростёртыми объятьями, но всё-таки отнеслись с пониманием, пока я не сглупил.

Я болтал на всяческие отвлечённые темы, пил несладкий чай и пытался морально подготовить себя к тому моменту, когда мне надо будет достать свою рукопись и показать её своим знакомым. Одна фраза: «А не хотите ли взглянуть на мою писанину?» – стоила мне просто нечеловеческих усилий. Я обливался потом, когда произносил восемь несложных слов.

Но вот первая попытка позади, и мне ответили согласием.

Ознакомившись с текстом, глава семейства взглянул на меня с удручённо-озадаченным видом, словно не зная, что ещё можно ожидать от такого человека, как я. Потом он с женой о чём-то долго шептался на кухне, после чего вернулся ко мне.

Мы снова заговорили на отвлечённые темы, обсуждая погоду и международное положение, и я потерял бдительность. Жена его вернулась чуть позже – она с кем-то разговаривала по телефону, – и вроде бы ничего не предвещало беды. Лишь раз я напрягся, когда меня спросили, с каких это пор принято ходить в гости в пять утра, но потом снова расслабился, объяснив это тем, что у меня нет часов, и вообще я в последнее время потерял ощущение дня и ночи.

Думаете, они подарили мне часы? Как бы ни так! Через полчаса в дверь постучали, а затем я оказался в фургончике с красным крестом, намалёванным с внешней стороны.

Обещали отобрать рукопись. Они это сделают, уж будьте уверены, но пока у меня осталось несколько минуток, я собираюсь использовать их с толком.

В последние несколько часов я ощущаю, что силы, заключённые во мне, приходят в движение. Уже пару раз у меня ручка выпадала из рук, но, скорей всего, это не из-за усталости, хотя и из-за неё тоже, но, вместе с тем, я терял сознание, и совершенно не помню, что со мной происходило за это время. Когда я приходил в себя, то у меня очень болели все конечности, а голова просто раскалывалась.

Я чувствую, что всё глубже и глубже погружаюсь в мир

видений, и это пугает меня не меньше чем всё остальное. Оба голоса – и Дракона, и Последнего Пророка – мне уже изрядно надоели, и я молюсь, чтобы это всё поскорее закончилось. Никто не может знать, как тяжело находиться в той ситуации, в которой оказался я.

Уже в третий раз я потерял сознание, а когда пришёл в себя, то обнаружил, что моя правая рука разбита в кровь, а на внутренней обшивке автомобиля видны чёткие отпечатки моих кулаков. Теперь уж совершенно точно у меня отберут мою писанину, и я не смогу, не успею...

Машина остановилась. Сейчас придут те крепкие парни в белых халатах, которые меня сюда грузили, и препроводят на новое место жительства. Но больше всего меня пугает не это, а то, что мне в голову, ко всему вдобавок, запихнули кусок льда, и теперь он там плавится...

Ну, вот и всё. Если кто-то когда-то это будет читать, пусть знает, что я ни о чём в своей жизни ни жалею. Каждая секунда, прожитая мною, прожита не зря. Быть может, человечество сможет ещё повернуть на другой путь и обрести спасение. Я...

* * *

Теперь Колины глаза не были наполнены ни красным, ни голубым сиянием, но также они не были и тускло-серыми, а стали серебряно-стального цвета, причём, без зрачков. В

пору было и удивиться, и ужаснуться.

– Что с Вами творится, Коля? – спросил Актаков.

Новый пациент, в который раз, с интересом рассматривал своего лечащего врача. Только теперь в его взгляде не было ничего человеческого. Так могла бы смотреть змея на свою жертву перед тем, как полакомиться ею. В глазах плескалась ртуть, изо рта то ли ощеренного, то ли искривлённого судорогой не доносилось ни звука, если не считать полувсхлипы-полувздохи, которые, при желании, можно было принять за учащённое дыхание.

Иван Фёдорович обратил внимание на то, что пути Коли в некоторых местах были пропитаны кровью. Откуда это?

– Стигматы, – подсказал Коля, словно он слышал то, о чём думал Актаков. Его голос не был похож на обычный человеческий голос. Скорее, это было дыхание, оформленное в буквообозначающие звуки.

– Что? То есть это получается... – Актаков не в силах был продолжать. Им, в который раз за день, обуревали противоречивые чувства. Он хотел помочь этому несчастному, но, в то же время, он его ненавидел, хотя даже под угрозой убийства не смог бы ответить, почему так происходит.

Снова повисла густая тишина, которую вполне можно было потрогать руками, вдохнуть... Она тяготила и не давала сосредоточиться на каких-то конкретных мыслях. Что-то происходило.

Актаков чуть было не выбежал из палаты, чтобы вдохнуть

свежего воздуха, но удержался. Тут явно что-то происходило, но он никак не мог понять, что именно. Мистическая пелена окутывала его сознание, и Иван Фёдорович то находился на пороге великого открытия, то погружался в непроглядный мрак непонимания.

Коля лежал спокойно, словно чего-то ожидая.

– Кто ты? – спросил Актаков.

– Я – парадокс, – ответил Коля. – Я – поле брани. Я воплощение всех сражающихся сил. Я и Дракон, и тот, кто ему противостоит, а также я тот, кто выступает беспристрастным судьёй в этом вечном споре.

– Я не понимаю, – сказал Актаков.

– Это неудивительно, – спокойно проговорил Коля. – Ты в высшей степени невнимателен. Я рассказал тебе уже обо всём, а ты до сих пор не можешь понять, что к чему, а, может быть, ты просто не хочешь ничего понимать, ведь так жить гораздо проще.

– Ты болен! – произнёс Актаков, теряя самообладание. Он уже был готов взорваться.

– Нет, это ты болен, – всё тем же беспристрастным тоном констатировал Коля. – Вы все больны, но даже не осознаёте этого. Вы не хотите признаться в своей болезни даже самим себе, а, между тем, ваша болезнь быстро прогрессирует, и уже совсем скоро придёт время горькой расплаты. Эта болезнь называется грех, и она смертоноснее чумы и заразнее холеры. Вы уже подошли к своему концу. Вы стоите на

краю пропасти и смотрите вниз, но по какой-то причине думаете, что внизу раскинулись плодородные долины, которые вы ещё не успели испоганить. На самом деле в каждом из вас есть и Дракон, и Пророк, но вы предпочитаете слушать первого, а не того, кто хочет помочь вам спастись. Вы специально давите в себе Глаголющего, чтобы не задумываться ни о чём, что вам неудобно. Вы давите в себе Пророка и вскармливаете Дракона. Так удобней, Дракон дарит вам минуты ложной радости, а Пророк годы, а то и десятилетия истинного страдания. Судья безмолвен, и лишь изредка вы чувствуете угрызения совести, но вы предпочитаете не замечать этого. Так легче. Вы подкупаете своих судей, чтобы они не видели, не слышали, не замечали. Ваша болезнь смертельна, причём, не только для тела и не столько для него, как для души. Пророк начинает пророчить с самого вашего рождения, но вы не слушаете, иначе бы все люди уже давным-давно спаслись бы. Он мучается, не в силах пробудить в вас желание жить так, как надо. Вы сами лишаете его голоса. Вы заражаете его своею болезнью и с удовольствием смотрите, как он умирает. Может быть, вы не понимаете, что, когда в вас умирает Глаголющий, то наступает затмение и Вечная Тьма. Вам всё равно, ведь вы привыкли поклоняться Дракону, который балует ваши тела, но, вместе с тем, пожирает ваши души. Для человечества была одна-единственная возможность. Должен был появиться тот, кто смог бы пробудить в каждом человеке Пророка. Но ваша болезнь была

уже слишком запущена, а Глаголющие либо мертвы, либо уже бились в предсмертных агониях, и поэтому, когда Вестник сошёл на землю, то не смог найти Глаголющего в людях, кроме одного. Был один человек, который не так сильно был подвержен вашей болезни. Он услышал. Но вы, а точнее ваши Драконы, сделали всё возможное, чтобы изолировать этого человека, дабы он не смог вмешаться в уже установленный порядок. Они ужасно боялись, что кто-то сможет пробудить Глаголющих и спасти человечество. Спасти души – значит, вырвать их из когтей этих Драконов. Вы все больны. Вы больны Драконами, и эта ваша болезнь будет способствовать вашим вечным мучениям. Но здесь с вашей болезнью легче, потому что, если вы вдруг сможете справиться с Драконом, то у вас появятся стигматы, и вы будете испытывать физическую боль. Духовная болезнь является обезболивающим для физического тела.

– Вы бредите, – сказал Актаков, уверенный, что его пациент тронулся рассудком. – Вас надо лечить.

Нельзя сказать, что Актакова не задела за живое эта речь, но теперь он пытался не допустить чувства родства с этим человеком. Иван Фёдорович понимал, что, если он вновь допустит установление связи с ним, то не сможет найти себе места. Тем более, в Коле не осталось ничего, что могло бы притягивать. Остался только холодный отталкивающий свет, от которого стыла кровь в жилах. Серебристо-стальной цвет глаз, словно в них разлилась ртуть.

Необходимо было что-то делать. Но в этого человека уже вкололи изрядное количество лекарств, хотя по нему нельзя было сказать, что они подействовали. Ясно одно: надо избавиться от новенького любыми путями.

– Нет, это вас надо лечить, – негромко проговорил Коля. – Я пытался излечить Вас, ведь Глаголющий в Вас ещё не умер, но и Дракон оказался слишком силён. Он не только смог заткнуть Пророка, но и убить его. Вас надо лечить, но, по всей видимости, не осталось никого, кто смог бы это сделать.

Актаков видел, что пациент сам скоро умрёт. Тот судорожно втягивал в себя воздух и, не мигая, смотрел в потолок. Ивану Фёдоровичу вдруг неудержимо захотелось ещё раз заглянуть ему в глаза. Он поднялся со стула (установленного взамен сломанного) и подошёл к кровати.

Коля уже не представлял собой ничего сверхъестественного. У него были обычные тусклые глаза, а на лице застыла мученическая гримаса. По всему было видно, что ему очень больно, но лекарства не помогали. Он вызывал только жалость. В какое-то мгновение Актакову действительно стало жалко его.

– Всё будет хорошо, – попытался он заговорить с Колей. – Всё будет хорошо.

– Да, – ответил Коля, только в его интонации не было ничего от согласия.

– Могу я Вам чем-нибудь помочь? – спросил Актаков. – Как-нибудь облегчить Ваши страдания?

Коля молчал. Доктор и сам не понимал, что заставило его задать этот вопрос, но, как ни странно, в нём до сих пор шла необъяснимая борьба. Правда, теперь она стала похожа на безнадёжное сопротивление, но это отражалось на Иване Фёдоровиче.

Может быть, он зря снова заговорил с этим человеком? Но что-то надо было срочно делать. Потребность в этом буквально жгла Актакова изнутри.

– Да, – наконец, ответил Коля.

– Чем же? – спросил Актаков.

– Когда меня сюда привезли, то у меня была рукопись и ручка. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне их принесли и дали бы возможность ещё немного пописать.

– Коля, я бы с удовольствием исполнил твою просьбу, но ты уже скомпрометировал себя.

– Этого больше не повторится.

– А могу ли я Вам доверять? – сказал Актаков. – Ведь в прошлый раз Вы тоже говорили, что будете вести себя спокойно, а затем чуть не убили меня. Я думаю, что мне не стоит во второй раз повторять свою ошибку.

– Я скоро умру, – проговорил Коля, прикрыв глаза. – Мне просто необходимо закончить рукопись. Если Вы хотите быть спокойным, то поставьте в дверях санитаров. Но будьте уверены, что я больше не буду буйствовать. Во мне даже нет больше той части, которая могла бы убить Вас.

Актаков внимательно рассматривал своего пациента. Хо-

лодное спокойствие разливалось по внутренностям врача. Он решил, что ничего плохого не выйдет из того, что он даст этому несчастному немного позаниматься его любимым делом.

Через полчаса перед пациентом Колей стоял журнальный столик с коричневой поверхностью, на котором лежала рукопись и ручка. В дверях стояли два здоровенных санитаря, которые должны были обеспечить безопасность Коли от самого себя. Больного освободили от пут, и он задумчиво склонился над своей писаниной, перечитывая всё, что написал ранее.

Актакова интересовало, о чём идёт речь в тех строках, написанных от руки неровным и дрожащим почерком, но он даже не взглянул на текст, когда нёс рукопись Коле, а только прочитал три слова, значащиеся на переднем листе. Впрочем, те полностью соответствовали словам, написанным на карточке больного: «Откровения Последнего Пророка».

Теперь понятно, что это означает. Это и диагноз, и название работ этого несчастного. Отдав рукопись Коле, и выполнив тем самым желание больного, врач Актаков удалился в свою каморку, чтобы передохнуть, покурить, попить кофе и вернуться к своим обязанностям.

* * *

К счастью, у меня появилась возможность завершить свою

рукопись. Я попробую выложить всё, что знаю до того момента, когда умру. Жить мне осталось недолго, я это чувствую, впрочем, хватит об этом.

Итак, я нашёл Глаголющего. Я не могу описать, как это получилось, но постараюсь изложить, что случилось со мной после того, как я попал в психиатрическую больницу, и, может быть, вы сами поймете, что к чему.

Когда открыли двери фургончика, в котором меня привезли, я снова потерял сознание, если можно так выразиться. Я продолжил свои поиски Последнего Пророка, но теперь уже внутри себя самого.

Может быть, вам это покажется глупым, но именно так я и поступил. Я блуждал по своим собственным видениям и искал там истину. Я увидел всё, о чём думал за свою жизнь. Я нашёл тех существ, которые продолжали меня изводить. Я даже видел того огнедышащего Дракона, о котором уже рассказывал. Как ни странно, но он был скован цепями, из которых тщетно пытался вырваться. Но всё это было незначимым по сравнению с тем, что в самом укромном уголке себя я нашёл Последнего Пророка.

Очнулся я уже в палате, привязанным к койке, но это не доставляло никакого неудобства, ведь теперь я был практически свободен, если не считать тех тварей с трезубцами. Но что они могли мне сделать? Ведь я нашёл Глаголющего и разговаривал с ним! Теперь никто мне не мог причинить никакого вреда, хотя я по-прежнему не мог уснуть.

Потом пришёл врач, и Глаголющий начал разговаривать с ним через меня. Какое же это было счастье! Самое главное, что врач внимал Глаголющему, но не тому, который был во мне. Он внимал Пророку, который находился в нём. Я лишь способствовал тому, чтобы этот человек сумел услышать самого себя. Моя душа пела, но так не могло продолжаться вечно, а жаль...

Дракон, существовавший внутри этого человека, не сидел на привязи, как у меня, и потому был очень силён. Конечно же, он воспротивился такому повороту событий и начал действовать.

Он не только задушил Глаголющего внутри самого врача, но и освободил моего Дракона. Для меня до сих пор осталось секретом, как такое стало возможным, но факт остаётся фактом, и я снова впал в беспамятство.

На этот раз я участвовал в битве. Мой Дракон пытался одолеть моего Глаголющего. Он выдыхал огонь из своего зловонного нутра, но Последнего Пророка защищало Клеймо Вестника, которое оставил на нём Ангел, беседовавший тогда со мной. Силы были примерно равные, и поэтому я поспешил вмешаться.

Тогда откуда-то из пелены тумана на поле брани выступило четвёртое лицо. Это был невидимый Судья, которого мы привыкли звать совестью. Он зна́ком показал мне, что я не должен вмешиваться, а потом отступил обратно в тень. Я поспешил последовать его примеру.

И вот я стал очевидцем борьбы, которая свидетельствует о том, что человек жив. Пока Глаголющий в нём противостоит Дракону, человек жив, но, если один из них одерживает победу, то...

Я сказал, что умру, и это действительно так, потому что если победу одерживает Дракон, то человек погибает душой, а если Глаголющий – то телом.

Последний Пророк во мне победил, и теперь я обречён на неминуемую смерть, которая будет величайшим подарком, поскольку я избавлюсь от своих мучений.

Я не буду в красках описывать эту самую битву, потому что она происходит в каждом, и надо всего лишь прислушаться и присмотреться, чтобы всё увидеть и узнать, но я опишу, что было дальше.

Судья зафиксировал победу Глаголющего, и в этот же момент я узнал всю правду. Что на самом-то деле Пророк находится внутри каждого из нас, и не надо искать его по улицам, а надо всего-навсего посмотреть внутрь себя, и мы сразу же увидим и услышим его.

Я хотел донести пророчества Глаголющего, но, в конце концов, отказался от этой затеи, поскольку те, в ком Глаголющий ещё жив, сами смогут услышать их безо всяких искажений, вызванных варварским способом переписывания, а тем, в ком Пророк уже умер, они всё равно не помогут. Было же сказано: «Имеющий уши, да услышит, имеющий глаза, да увидит...» Могу посоветовать одно: прислушайтесь к себе и

к окружающим.

Когда я очнулся в этот раз, то снова оказался привязанным, и снова это было сущим пустяком. В особенности потому, что по мне больше никто не ползал.

Уснуть же я всё равно не мог, поскольку острая боль пронзала мои кисти и ступни. Поначалу я очень испугался, потому как подумал, что мерзкие твари с трезубцами дорвались до меня, но на самом-то деле это были всего лишь последствия победы Глаголющего – стигматы. Они раскрылись на моих ладонях и ступнях и стали предвестниками моей скорой гибели, которая станет обещанным вознаграждением и избавит от мук, на которые обрёл меня мой собственный Дракон, павший всё же раньше, чем я, что не могло не порадовать.

Затем снова пришёл мой лечащий врач, и на этот раз я почувствовал в нём преобладание Дракона. По всей видимости, в нём тоже происходила битва, но исход оказался не таким удачным, как у меня. Теперь он обречён на погибель души.

Однако вскоре я убедился, что ошибался на его счёт, и Глаголющий в нём ещё жив, и борьба продолжается, ведь дал же он мне дописать рукопись. Но перед тем как мне открылось это, с ним заговорил Судья, находящийся во мне. Он высказал то, что я сам осознавал, но не при каких обстоятельствах не смог бы воплотить в словах. Врач всё выслушал, и после этого я попросил его принести мне мою рукопись.

Он принёс.

Не знаю уж, что будет с этим врачом дальше, но я ему желаю победы Пророка, которого я смог пробудить к жизни, или, по крайней мере, продолжения борьбы. Он этого заслуживает.

Теперь я сижу в своей палате и записываю последние строки. Мои руки перебинтованы, чтобы кровь не попадала на бумагу, они с каждой минутой слабеют, и мне всё тяжелее удерживать в них ручку, но я просто обязан написать заключение.

Это касается конца света. Пока хоть в одном человеке будет жив Глаголющий, и будет продолжаться борьба между ним и Драконом, конец света не наступит, но как только все Драконы одержат победу и объединятся в одного большого Дракона, то Землю тотчас проглотит тьма.

Берегитесь! Это я говорю тем, кто слышит в себе голос Пророка, потому что Драконы будут охотиться за вами. Вы должны опасаться происков Драконов, но, в то же время, вы должны пробуждать Глаголющих в тех, в ком они не потерпели окончательного поражения, но спят.

Я не утверждаю, что у вас всё будет происходить точно также, но многое будет похоже. Может быть...

Мои слова оптимистичны, но внутренне я чувствую некую обречённость, которая сводит меня с ума. Почему-то мне кажется, что изменить уже ничего невозможно. Перед глазами постоянно встаёт образ Ангела, мимо которого про-

ходили все без исключения, не замечая его. Иногда я даже уверен, что Пророк, который живёт во мне, действительно последний, и нет больше никаких Глаголющих.

Мне становится невыносимо горько от таких мыслей. У меня даже были порывы порвать всё, что написал, однако я не сделал этого. А вдруг найдётся человек, которому поможет эта рукопись? А вдруг не во мне, а в ком-то другом живёт настоящий Последний Пророк?

Ну вот, вроде бы и всё. Силы уже совсем покидают меня, а бинты промокли настолько, что я боюсь запачкать бумагу, на которой пишу. Теперь я точно знаю, что не увижу всепоглощающую тьму, и от этого мне становится радостно на душе, но я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас или ваших детей видел это.

Помните всегда о том, что пока Глаголющий жив, тьма не наступит, и старайтесь поддерживать его в борьбе с Драконом. И ещё одно: не забывайте о вашем внутреннем Судье, который всегда сможет отличить для вас слова Глаголющего от слов Дракона. Судья отличит истинное от ложного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.